

Закон реализации

Опубликовано: 04.05.2026 • Время чтения: ~116 мин.

[📄 Скачать PDF \(на русском\).](#)[🔗 Оригинал \(PDF • на английском\).](#)[🖨 Распечатать](#)

АННОТАЦИЯ

В этой статье развивается понятие закона реализации: закона, согласно которому капитализм должен превращать прибавочную стоимость в денежную прибыль через эффективный спрос. В статье утверждается, что капитализм решает проблему реализации через два основных механизма: долг, или реализацию во времени, и внешний сбыт, или реализацию в пространстве через внешние рынки, неравный обмен и деградацию периферии. В статье также анализируется эксплуатация и формулируется закон второго дыхания капитализма, показывающий, как кризисы, обесценение, разрушение и сброс восстанавливают условия капиталистического воспроизводства. Наконец, нацистская Германия используется как концентрированный исторический пример того, как закон реализации проходит через закон долга и закон внешнего сбыта к принудительной экспансии и фашизации. Эта конечная форма называется тефо-законом: заблокированная реализация, долговое финансирование милитаризации, экспансия и фашизация.

Ключевые слова: капитализм; реализация прибыли; прибавочная стоимость; эффективный спрос; долг; государственный долг; внешний сбыт; империализм; неравный обмен; центр-периферия; монополистический капитал; финансовая нестабильность; доля труда; доход капитала; кризис; перенакопление; обесценение; фашизация; принудительная реализация; полярный марксизм

JEL Codes: B51; E11; E12; E25; E32; E44; E51; E62; F34; F54; H63; P16

Введение

Проблема системной прибыли

В экономической науке и политической экономии мы обычно говорим о прибыли отдельного капиталиста. Мы часто рассматриваем прибыль как результат: результат эксплуатации или результат инновации, риска,

предпринимательства и так далее. Но у этого вопроса есть и другая сторона. Эта другая сторона задает иной вопрос:

Как прибыль реализуется внутри капиталистической системы как целого?

На первый взгляд это может показаться очевидным, почти риторическим вопросом с очевидным ответом. Капиталисты производят товары, продают их на рынке и получают прибыль. Кажется, что здесь нет никакого противоречия. И на уровне отдельного капиталиста это действительно выглядит так: один капиталист может получить прибыль просто продавая товар другому участнику рынка.

Однако проблема меняется, когда мы переходим от прибыли отдельного капиталиста к прибыли системы как целого. Если мы говорим о системной прибыли — прибыли всей капиталистической системы, — тогда появляется реальная проблема. Мы уже не понимаем, откуда берется совокупный эффективный спрос, который позволяет этой прибыли быть реализованной, то есть превращенной в деньги в текущем периоде.

Это позволяет нам различить несколько уровней прибыли.

Во-первых, существует индивидуальная прибыль: прибыль отдельного капиталиста или индивидуального капитала. Этот уровень сравнительно легко понять.

Во-вторых, существует секторальная прибыль: прибыль внутри определенного сектора или отрасли экономики.

В-третьих, существует системная прибыль: прибыль капиталистической системы как целого. Именно этот третий уровень и создает теоретическую проблему реализации.

Исследовательские вопросы

Исследовательские вопросы можно сформулировать следующим образом:

1. Почему производство прибавочной стоимости недостаточно для реализации прибыли?
2. Почему капиталистическая прибыль требует эффективного спроса?

3. Почему долг функционирует как временной механизм реализации?
4. Почему внешний сбыт функционирует как пространственный механизм реализации?
5. Являются ли долг и внешний сбыт отдельными законами или двумя осями одного и того же закона?
6. Как капитализм сбрасывает накопленные противоречия?
7. Что происходит, когда долг и внешний сбыт достигают своих пределов?
8. Можно ли понимать фашизацию как принудительную форму реализации?

Основной тезис

Основной тезис этой работы состоит в следующем: капитализм определяется тем, что я называю законом реализации. Это означает, что капитализм движим логикой, согласно которой прибыль должна быть превращена в деньги через эффективный спрос.

Однако, поскольку система является закрытой, уже существующий доход сам по себе не может стать дополнительной прибылью в денежной форме. Это не означает, что производство ничего не создает или что в процессе производства ничего не происходит. Смысл точнее: произведенный избыток может существовать как стоимость, и он может выступать как доход, но он не превращается автоматически в денежный поток реализованной прибыли.

Проблема состоит в том, что внутри закрытой системы один и тот же уже существующий доход не может просто превратиться в дополнительную денежную прибыль для системы как целого. Поэтому капитализм должен каким-то образом реализовать эту прибыль. Похоже, что капитализм делает это двумя основными способами.

Во-первых, он реализует прибыль через долг, то есть во времени.

Во-вторых, он реализует прибыль через внешний сбыт, то есть в пространстве.

Под сбытом я имею в виду внешний сбыт, а не внутренний сбыт.

Если оба механизма достигают своих пределов, капитализм сбрасывает себя через кризисы, разрушение и, в крайнем случае, через расширяющуюся принудительную экспансию.

Почему закон реализации важен

Но этот аргумент развивается не ради самого себя. Доказательство закона реализации не существует изолированно от остальной системы. Оно нужно для того, чтобы доказать нечто дальнейшее: что капитализм не способен развивать периферию. При капитализме периферия необходимо деградирует, тогда как сам капитализм также входит в кризис.

Иными словами, с одной стороны, капитализм постепенно входит во внутренний кризис; с другой стороны, периферия деградирует. Это означает, что современный мир, каким мы его знаем, не может быть полностью описан только через капитализм или только через капиталистический способ производства.

Как будет показано далее, капиталистический способ производства необходимо производит периферию, обнищание этой периферии и собственные внутренние кризисы. Поэтому, если мы наблюдаем, что мир не соответствует этой логике или что происходит нечто иное, это означает, что там действует что-то другое.

Этот аргумент необходим для того, чтобы доказать несколько дальнейших положений.

Во-первых, он необходим для доказательства коммунистического индикатора: того, что он действительно показывает то, что, как утверждается, он показывает.

Во-вторых, он необходим для доказательства существования того, что я называю антикапиталом.

В-третьих, он необходим для доказательства более широкой теории полярного марксизма.

Таким образом, эта теория нужна для того, чтобы окончательно закрыть теоретический гештальт капитала. Она показывает, что у капитализма есть законы — прежде всего закон реализации, а затем связанные с ним законы, которые из него следуют, — и что эти законы ограничивают капитализм изнутри.

Если мы говорим о преодолении капитализма, то это преодоление осуществляется не через сам капитализм, а через антикапитализм. Об этом будет сказано в других работах. Пока же задача состоит в том, чтобы установить закон реализации и вытекающие из него пределы.

Методологическое уточнение: марксизм, мир-системный анализ и полярный марксизм

К концу этой работы у читателя может возникнуть определенная двусмысленность. С одной стороны, эта работа может показаться марксистской. С другой стороны, она может также показаться не марксистской, потому что в нескольких местах она противоречит прежним марксистским взглядам или, по крайней мере, выходит за их пределы. В то же время уже должно быть ясно, что эта работа не является западной по своей теоретической ориентации.

Возможна и другая путаница. Поскольку я использую язык центра и периферии, некоторые читатели могут сразу предположить, что эта работа принадлежит к мир-системному анализу или что я мыслю в терминах Валлерстайна, его последователей или других смесей марксизма, мир-системного анализа и подобных квазинаучных подходов.

Это было бы ошибкой.

Я марксист. Но теория, развиваемая здесь, не является повторением старого марксизма. Это развитие марксизма. Это то, чем марксизм стал бы, если бы он был более полно развит применительно к современному миру.

То, что было представлено в этой работе, — лишь предпосылка. Это необходимое условие для того, что будет развиваться далее: теории антикапитала и, шире, теории полярного марксизма и полярного мира, который мы наблюдаем сегодня.

В то же время эта рамка в своей главной сущности направлена против мир-системного анализа. Она описывает мир в его глобальной сущности и в его глобальном противостоянии. В этом смысле она является формой глобального марксизма. Но это научный глобальный марксизм. Он начинается с оснований, с законов капитала, а не с поверхностного деления мира на три категории.

Я полностью отвергаю теорию Валлерстайна. Это не означает, что я отвергаю каждое отдельное наблюдение, факт или частное теоретическое положение, высказанное Валлерстайном или авторами мир-системного анализа. Я не отрицаю, что они собрали определенные факты, сделали определенные наблюдения и иногда выражали идеи, которые могут содержать зерно истины. Любая теория может содержать зерно истины, и это зерно может быть использовано в другой теоретической системе. Я также использую некоторые из этих элементов в этой работе и в других работах.

Но я отвергаю целостную рамку мир-системного анализа. Я отвергаю ее особенно как научную теорию.

Мир-системный анализ, по сути, является историко-описательным анализом и категоризацией мира. Это не научная теория в строгом смысле. Он не начинается с законов. Он не выводит структуру мира из движения самого капитала. Вместо этого он начинает с поверхностного деления мира на ядро, полупериферию и периферию.

Этот пункт необходимо понять ясно: я марксист, и эта работа ни в каком смысле не является ответвлением мир-системного анализа. Я не изучал мир-системный анализ для того, чтобы написать эту работу. Эта работа была написана до какого-либо серьезного изучения мир-системного анализа. Более того, я считаю мир-системный анализ глубоко ошибочным даже в его описательных категориях.

Могут быть случаи, когда мир-системный анализ называет что-то одной категорией, тогда как я называю это другой. Например, то, что я описываю одним образом, мир-системный анализ может назвать «полупериферией»,

хотя не всегда в том же смысле. На первый взгляд может показаться, что мы говорим об одном и том же.

Но это не так.

Даже когда слова кажутся похожими, теоретический смысл различен. Их выводы, как теоретические, так и практические, не могут быть приняты как истинные. Они даже не могут надлежащим образом приблизиться к истине — ни теоретически, ни практически, — потому что их рамка не начинается с законов капитала.

Моя теория начинается именно с этих законов.

Поэтому полярный марксизм нельзя смешивать с мир-системным анализом. Мир-системный анализ классифицирует мир. Полярный марксизм объясняет законы, которые производят мир, пределы этих законов и силы, которые их ломают.

Главный пункт расхождения между этой теорией и мир-системным анализом проявляется именно в вопросе Востока, БРИКС, Китая и так называемой полупериферии. Я прекрасно знаю, что Восток развивается, что производство концентрируется там и что Китай и другие незападные формации нельзя описать как простые деградировавшие периферии в обычном смысле. Но именно в этом и состоит суть. Если принять законы, разработанные в этой работе, то развитие Востока нельзя объяснить как нормальный результат капитализма. Согласно логике капитала, внешний сбыт производит зависимость, неравный обмен, дешевый труд и периферийную деградацию. Поэтому, если Восток развивается, а не просто деградирует, это означает, что там действует что-то другое. Это «что-то другое» я буду анализировать в последующих работах как антикапитал. В этом смысле Китай, БРИКС и развивающийся Восток не являются возражениями против закона реализации или закона внешнего сбыта. Они являются самой причиной, по которой необходим следующий шаг теории. Они показывают предел капитализма и необходимость полярного марксизма.

Структура работы

Раздел 1 вводит главную проблему, формулирует исследовательские вопросы, представляет основной тезис и уточняет методологическую позицию статьи. Раздел 2 развивает общий закон реализации и объясняет, почему прибавочная стоимость не превращается автоматически в реализованную прибыль. Раздел 3 рассматривает долг как временную форму реализации. Раздел 4 рассматривает внешний сбыт как пространственную форму реализации. Раздел 5 соединяет эти две оси и показывает их единство внутри движения капитала. Раздел 6 объясняет, как эксплуатация связана с временным обновлением капиталистической экспансии. Раздел 7 исследует mefo-закон как принудительную и фашистскую форму реализации. Наконец, раздел 8 суммирует главный аргумент и его более широкие следствия.

Закон реализации

От прибавочной стоимости к реализованной прибыли

Начнем с простого мысленного эксперимента.

Представим капиталистическую систему, в которой капиталисты должны делать две вещи. Во-первых, они должны производить товары. Во-вторых, они должны продавать эти товары людям — конечным потребителям, тем, кто действительно будет потреблять продукт.

Предположим, что в течение одного года капиталисты производят совокупный товарный выпуск стоимостью 100. Для того чтобы произвести этот выпуск, они выплачивают рабочим заработную плату. Эта заработная плата затем становится покупательной способностью рабочих. Но капиталист не продает товар по той же стоимости, что и выплаченная заработная плата. Товар также содержит прибыль.

На этом этапе не важно, понимается ли эта прибыль как украденный прибавочный продукт, прибавочная стоимость, рыночная надбавка или ценообразование. Важно следующее: как только прибыль включается в цену товара, совокупная цена товаров становится больше, чем заработная плата, выплаченная рабочим, которые, как предполагается, должны эти товары купить.

В самой простой версии примера предположим, что рабочие получают заработную плату, равную 60. Но совокупная стоимость произведенных товаров равна 100. Это означает, что внутри того же периода рабочие могут купить только 60 из 100. Оставшиеся 40 не могут быть куплены рабочими за счет их заработной платы.

Эта оставшаяся часть является решающей. Она представляет собой ту часть товарного выпуска, которая содержит прибыль, но еще не была реализована как деньги. Иными словами, капиталист произвел товар, содержащий прибавочную стоимость, но эта прибавочная стоимость еще не стала реализованной прибылью.

Капиталист может сказать: эти оставшиеся 40 — моя прибыль. Но проблема состоит в том, что эта «прибыль» всё еще существует в форме непроданных товаров. Она еще не является деньгами. А если она не является деньгами, она еще не может быть использована для расширения производства.

Именно здесь проблема становится ясной.

Для того чтобы расширять воспроизводство, капиталисту нужны деньги. Ему нужно взять полученную прибыль и реинвестировать ее: например, купить машины, сырье, новые средства производства или дополнительную рабочую силу. Но если товар, содержащий эту прибыль, не был продан, то капиталист фактически не получил деньги. Он произвел стоимость, но не реализовал ее.

Следовательно, проблема состоит не просто в производстве. Проблема состоит в реализации.

Капиталист может производить товары, содержащие прибавочную стоимость. Но если эти товары не продаются, прибавочная стоимость не возвращается к нему как деньги. А без этого возвращения в денежной форме он не может полностью завершить кругооборот капитала и не может расширять воспроизводство на основе реализованной прибыли.

Конечно, в реальном капитализме мы не наблюдаем просто того, что каждый капиталист не способен продать содержащую прибыль часть выпуска. В действительности капиталисты получают прибыли. Товары продаются. Фирмы расширяются. Машины покупаются. Производство продолжается.

Это означает, что простой мысленный эксперимент не описывает всё реальное движение капитализма. Скорее, он выявляет проблему, которую капитализм должен решить.

Если рабочие не могут купить весь товарный выпуск, потому что совокупная цена этого выпуска превышает выплаченную им заработную плату, тогда возникает вопрос:

Кто покупает остальное?

Ответ не может быть найден только на уровне отдельного капиталиста. Один капиталист может продавать другому капиталисту. Капиталист, производящий потребительские товары, может продавать рабочим. Капиталист, производящий машины, может продавать другим капиталистам. Капиталисты также могут сами потреблять предметы роскоши. Но всё это лишь отодвигает вопрос дальше.

Если один капиталист реализует прибыль, продавая другому капиталисту, то второй капиталист также должен каким-то образом реализовать свою собственную прибыль. Если капиталист, производящий машины, продает их капиталисту, производящему потребительские товары, то капиталист, производящий машины, также нуждается в покупателях для своего выпуска. Если капиталисты сами потребляют часть прибавочного продукта, это может реализовать часть прибыли, но это еще не объясняет реализацию системной прибыли как целого.

Таким образом, проблема состоит не в том, может ли один капиталист получить прибыль. Проблема состоит в том, может ли вся капиталистическая система реализовать свою прибыль внутри закрытого кругооборота.

Этот мысленный эксперимент показывает базовое различие между прибавочной стоимостью и реализованной прибылью.

Прибавочная стоимость может быть произведена в процессе труда. Но реализованная прибыль появляется только тогда, когда товар, содержащий эту прибавочную стоимость, продается и превращается в деньги.

Следовательно:

- Производство создает прибавочную стоимость.
- Реализация превращает прибавочную стоимость в денежную прибыль.

Еще раз: для того чтобы капиталисты получили прибыль, они должны сначала продать товары, которые содержат эту прибыль. Прибыль не получается до продажи. Она получается только после того, как товар был продан и превращен в деньги. Но если совокупная покупательная способность, распределенная рабочим, составляет только 60, тогда как совокупный товарный выпуск равен 100, то внутри этого непосредственного кругооборота может быть куплено только 60.

Оставшиеся 40 не могут быть реализованы простым утверждением, что «капиталисты потратят свою прибыль». Этот ответ уже предполагает то, что еще не произошло. Для того чтобы капиталисты потратили прибыль, они должны сначала ее получить. Но чтобы ее получить, они должны сначала продать товары, которые ее содержат. А для того чтобы продать эти товары, уже должна существовать покупательная способность, способная их купить.

Это и есть круговая проблема.

Капиталист должен получить прибыль, чтобы ее потратить. Но он должен продать товар, чтобы получить прибыль. А товар не может быть продан, если уже не существует эффективного спроса на него.

Та же проблема появляется, если мы переносим процесс в следующий период.

Можно сказать: непроданный избыток текущего периода будет продан в следующем периоде. Но это лишь откладывает противоречие. Если мы берем оба периода вместе как один совокупный процесс, та же проблема возвращается. Система всё равно производит больше стоимости, чем может быть куплено за счет покупательной способности, которую она распределяет внутри себя. Если реализация просто откладывается в будущее, тогда разрыв не решается; он переносится. А если он снова и снова переносится, система требует бесконечного откладывания реализации.

Но прибыль не может реализовываться только через вечное откладывание. Она должна быть реализована здесь и сейчас, в денежной форме, чтобы кругооборот капитала мог продолжаться.

Следовательно, внутри закрытого капиталистического кругооборота непосредственная реализация совокупной прибыли невозможна, если реализация зависит только от покупательной способности, созданной внутри этого же кругооборота.

Проблема реализации

Этот мысленный эксперимент позволяет нам сформулировать проблему еще острее.

Согласно логике капитализма, капитализм всегда производит больше, чем может быть куплено через покупательную способность, которую он сам распределяет в том же периоде. Он всегда производит прибавочный продукт. Но этот прибавочный продукт не может быть автоматически реализован через тот же доход, который был распределен в процессе производства.

Если капитализм регулярно производит больше, чем может быть куплено внутри его собственного непосредственного кругооборота дохода, тогда, в принципе, система должна становиться невоспроизводимой. Она должна разрушаться. Она не должна быть способна функционировать как устойчивая система.

Но это не то, что мы наблюдаем в действительности.

Капитализм не просто рушится в первый момент этого противоречия. Он продолжает функционировать. Товары продаются. Прибыли реализуются. Производство расширяется. Капитал накапливается.

Из этого можно сделать важный вывод: капитализм должен обладать другими механизмами, которые позволяют ему реализовывать то, что не может быть реализовано через непосредственную покупательную способность, распределенную внутри самого процесса производства.

Иными словами, если прибавочная стоимость не может быть реализована напрямую через заработные платы и доходы, созданные внутри того же закрытого кругооборота, тогда она должна реализовываться через другие формы.

Именно эти другие формы и будут проанализированы в этой работе.

Смысл не в том, что проблемы реализации не существует. Напротив, проблема реализации существует именно потому, что капитализм производит больше, чем может быть непосредственно куплено внутри его собственного закрытого кругооборота дохода. Но поскольку капитализм продолжает существовать и воспроизводить себя, это означает, что система должна постоянно решать эту проблему через определенные механизмы.

Это я и называю законом реализации.

Закон реализации утверждает, что капиталистическая прибыль должна быть реализована даже тогда, когда она не может быть реализована через непосредственную и очевидную форму внутренней покупательной способности. Если прибыль не может быть реализована прямо, тогда капитализм должен реализовать ее косвенно: через долг, через внешний сбыт, через кризис и, в пределе, через принудительную экспансию.

Таким образом, закон реализации не означает, что у капитализма нет противоречия. Он означает противоположное. Он означает, что капитализм вынужден воспроизводить себя, постоянно находя способы преодолеть, сместить или временно приостановить противоречие реализации.

Капитализм всегда производит проблему реализации.

И капитализм всегда ищет механизмы, чтобы реализовать то, что он произвел.

Это и есть закон реализации.

Обзор литературы

Чтобы обосновать собственную логику, я использую уже существующих авторов. Хотя я пришел к этим выводам самостоятельно, теория реализации совокупного капитала берет свое начало в политической экономии, включая марксизм. Она глубоко встроена в долгую марксистскую дискуссию о

производстве, обращении, воспроизводстве, кризисах и так далее. Главный пункт состоит в том, что создание стоимости, или прибавочной стоимости, и реализация этой прибавочной стоимости как прибыли — не одно и то же.¹

Маркс утверждал, что создание прибавочной стоимости является следствием производства, самого процесса производства. Но после того как прибавочная стоимость материализовалась как прибавочный продукт, как товары, это только первый шаг, первый акт. Второй шаг — продажа этой массы товаров на рынке. Если товар не продан, или продан только частично, или продан ниже своей стоимости, эксплуатация всё равно имела место, и стоимость перешла в руки капиталиста, но она не была реализована, и капиталист не смог получить ее в форме денег. Решающее положение Маркса состоит в том, что «условия непосредственной эксплуатации и условия реализации прибавочной стоимости не тождественны». Это различие дает первое основание для закона реализации.²

Маркс говорит, что избыток стоимости товаров над их издержками производства определяется в процессе производства, но в конечном счете реализуется на рынке, в процессе обращения. Это та же самая мысль: прибавочный продукт рождается в производстве, но прибыль получается капиталистом на рынке. Таким образом, капиталистический цикл остается незавершенным до тех пор, пока товарный капитал не превращен в денежный капитал.³

Роза Люксембург позднее развила эту мысль дальше. Для Люксембург прибавочная стоимость бесполезна до тех пор, пока она остается скрытой внутри массы товаров и не реализована на рынке. Товары должны быть реализованы; они должны быть превращены в деньги. Только после этого превращения капиталистический процесс производства и его капиталистическая цель завершаются. Для нас это важно именно потому, что для Люксембург внутренняя прибавочная стоимость не имеет значения для капитала до тех пор, пока она не превращена в прибыль. Для капитала имеет значение только прибыль.⁴

Второе основание закона реализации — различие между двумя типами капитала: индивидуальным капиталом и совокупным общественным капиталом. Когда мы смотрим на частного капиталиста, весь процесс реализации прибыли кажется ясным и очевидным. Он просто продает товар и получает деньги на рынке. Но это не означает, что это микроуровневое решение решает макроуровневый вопрос. Во втором томе *Капитала* Маркс подчеркивал, что индивидуальный капиталист или все индивидуальные капиталисты, взятые вместе, не действуют изолированно, каждый двигаясь сам по себе. Их кругообороты переплетаются, предполагают друг друга и делают друг друга необходимыми, и в этом переплетении они образуют движение совокупного общественного капитала.⁵

Для индивидуального капиталиста материальная форма товара вторична по отношению к его продаже за деньги. Однако для совокупного общественного капитала воспроизводство требует определенных материальных пропорций общественного продукта. Маркс рассматривает эту системную проблему, деля совокупное производство на подразделение I, которое производит средства производства, и подразделение II, которое производит предметы потребления. Таким образом, он подчеркивает, что капиталистическое воспроизводство требует возмещения не только стоимости, но и материальных условий производства и потребления.⁶

Роза Люксембург делает еще больший акцент на этом различии, отделяя индивидуального капиталиста от так называемого совокупного капиталиста. Для индивидуального капиталиста постоянный капитал, переменный капитал и прибавочная стоимость могут все выступать как части одного и того же однородного товара. Но для совокупного капиталиста готовый продукт должен воспроизводить эти компоненты в различных материальных формах: средства производства, средства существования для рабочих и средства существования для капиталистов. Поэтому проблема реализации неотделима от проблемы общественного воспроизводства.⁷

Далее у нас есть анализ Суизи. Он интерпретировал схемы воспроизводства Маркса именно как способ анализа отношения между выпуском и доходом. Эти схемы показывают, что совокупный спрос и совокупное предложение

должны уравнивать друг друга, но в действительности они не всегда уравниваются. Это равновесие не является автоматическим. Схемы воспроизводства показывают отношения между выпуском средств производства и предметов потребления, заработной платой, прибавочной стоимостью и расходами капиталистов. Таким образом, проблема реализации является системной для капитализма, а не изолированным рыночным сбоем.⁸

Третье основание закона реализации — трудность реализации внутри закрытого капиталистического кругооборота. Люксембург спорила со схемой Маркса и утверждала, что она не работает полностью, потому что в действительности реализация продукта и накопление в целом невозможны, если учитывать только двух агентов: рабочих и капиталистов, обоих как агентов потребления. Рабочие не могут полностью реализовать капитализированный прибавочный продукт, потому что их покупательная способность ограничена заработной платой. В то же время капиталисты не могут просто купить все свои собственные товары, потому что часть их товаров должна быть превращена в дополнительный капитал. Они рекапитализируют ее; следовательно, они не могут просто ее потребить. Для Люксембург реализация вне двух основных классов капиталистического общества оказывается одновременно необходимой и невозможной внутри закрытой модели. Поэтому накопление попадает в порочный круг.⁹

Суизи говорит то же самое, когда суммирует аргумент Люксембург. Он также представляет это как попытку доказать, что капиталистическое накопление невозможно в закрытой капиталистической системе. Он подчеркивает, что проблема состоит не только в том, что отдельный капиталист в какой-то момент может не продать товар. Реальный вопрос состоит в том, может ли вся капиталистическая система, взятая как целое, создать совокупный эффективный спрос, необходимый для реализации расширяющегося прибавочного продукта.¹⁰

Маркс формулировал проблему не как простую невозможность, а как структурное противоречие: расширение производства сталкивается с ограниченной потребительной способностью общества. Условия эксплуатации, которые ограничены производительной силой, отличаются от

условий реализации, которые зависят от пропорциональных отношений между различными отраслями производства и от потребления. Само потребление ограничено антагонистическими условиями распределения, которые ограничивают покупательную способность масс.¹¹

Суизи развивает это противоречие в терминах недопотребления. Задача его теории недопотребления состоит в том, чтобы показать, что существует внутренняя тенденция к расширению производства потребительских товаров быстрее, чем растет спрос, способный эти товары поглотить. Иными словами, предложение постоянно уходит всё дальше и дальше за пределы спроса. Это означает, что капиталистическое накопление содержит устойчивую тенденцию к тому, чтобы производственные мощности опережали спрос, создаваемый существующим распределением дохода.¹²

Баран и Суизи в своей работе о монополистическом капитале сказали почти то же самое, но применительно к условиям монополистического капитализма. В сущности, они утверждали, что монополистический капитализм имеет тенденцию создавать всё больший экономический излишек, но при этом не обеспечивает достаточных потребительских и инвестиционных каналов, необходимых для его поглощения. Таким образом, нормальная тенденция монополистического капитализма — стагнация, если только он не развивает механизмы, позволяющие этому прибавочному продукту, этому излишку, быть поглощенным. Тем самым они перевели проблему реализации на язык поглощения излишка. Поэтому мы не просто говорим, что товары при монополистическом капитализме должны быть проданы; мы говорим, что этот постоянно расширяющийся излишек должен найти достаточные выходы.¹³

Взятые вместе, эти авторы дают теоретическое основание для закона реализации. Он начинается с Маркса, который отделил прибавочный продукт от прибыли: точнее, производство прибавочного продукта от реализации этого прибавочного продукта как прибыли. Маркс и Люксембург оба показали, что наш анализ и понимание системы меняются, когда мы переходим от индивидуального капиталиста к совокупному общественному капиталу или к совокупному капиталисту. Затем Люксембург развила наиболее сильную

версию проблемы закрытой системы, утверждая, что закрытый капитализм не может полностью реализовать продукт, если он состоит только из капиталистов и рабочих. Суизи перевел эту проблему на язык кризисов реализации и недопотребления. Баран и Суизи дали более глубокое понимание монополистического капитализма через понятие поглощения излишка.¹⁴

Закон реализации, следовательно, можно сформулировать так: капиталистическая прибыль не завершается одним только производством. Она должна быть реализована через эффективный спрос.

Поскольку производство прибавочной стоимости и ее реализация как денежной прибыли различны, и поскольку капиталистическая система имеет тенденцию расширять производство за пределы покупательной способности, созданной ее антагонистическим распределением дохода, капитализм должен постоянно находить механизмы, через которые прибавочная стоимость может быть превращена в реализованную прибыль. Остальная часть этой работы анализирует эти механизмы.¹⁵

Разрыв закрытой системы

Именно поэтому закрытая система должна быть разорвана.

Если капитализм действительно функционирует — а мы знаем, что он функционирует, — это означает, что реализация должна происходить через механизмы, которые не содержатся в простом закрытом кругообороте заработной платы и товарных продаж. Эти механизмы вводят в процесс либо время, либо пространство.

Когда государство покупает через дефицитные расходы, это уже вводит долг. Когда потребители покупают через кредит, это вводит долг. Когда фирмы инвестируют через заемные средства, это вводит долг. Когда товары продаются за пределами центра, это вводит внешний сбыт. Когда будущий спрос втягивается в настоящее, это временная реализация. Когда внешние рынки втягиваются в систему, это пространственная реализация.

Но до введения этих механизмов реализация невозможна.

Это основание закона реализации.

Закон реализации начинается с невозможности реализовать совокупную капиталистическую прибыль внутри закрытого непосредственного кругооборота. Поскольку капитализм тем не менее продолжает функционировать, он должен постоянно создавать механизмы, которые позволяют эту невозможность преодолевать, смещать или приостанавливать.

Закон долга: реализация во времени

Долг как временная реализация прибыли

Как же может быть решена эта проблема? Как прибыль может быть принудительно реализована? Какие инструменты доступны капитализму?

Первый такой инструмент — долг, или, точнее, перенос будущего дохода в настоящее.

Если в настоящем недостаточно эффективного спроса для реализации прибыли, тогда могут быть выданы займы. Через эти займы создается дополнительная покупательная способность, и прибыль может быть реализована. Но это, в свою очередь, создает долговые обязательства в настоящем, обязательства, которые затем переносятся в будущее.

Очевидно, что создание долговых обязательств не решает проблему. Оно только добавляет к ней. Если в следующем периоде прибыль снова должна быть реализована — а она должна быть реализована, потому что капитализм должен реализовывать прибыль постоянно, — тогда снова должен быть создан новый долг. Этот новый долг также переносится в будущее. Один и тот же процесс повторяется в каждом периоде.

Таким образом, на уровне всей системы, чем дальше мы движемся в будущее, тем больше накапливается долг.

Но это создает две проблемы.

Первая проблема — это, конечно, накопление долга. Со временем очевидно, что долг будет постепенно накапливаться.

Но вторая проблема состоит не просто в том, что долг накапливается. Более глубокая проблема — сила и скорость, с которой он накапливается. Если мы говорим о полном переносе будущей прибыли в долг, тогда долг должен стремиться к бесконечности в течение сравнительно короткого периода времени. Иными словами, капитализм всё равно очень быстро закончился бы, если бы опирался только на долг.

Именно поэтому в следующей главе мы обсудим другой тип решения той же проблемы. Но в настоящей главе центральное внимание уделяется долгу — или тому, что можно назвать временной реализацией прибыли.

Теоретические основания закона долга

Итак, я повторю: закон долга прямо следует из закона реализации. Если подразумевается, что капиталистическая прибыль должна быть реализована через эффективный спрос, и, соответственно, если в действительности этого эффективного спроса не хватает, тогда капиталист должен создать дополнительный эффективный спрос. Первичный механизм этого — долг.

Точнее, долг представляет собой перенос; это будущий доход, перенесенный в настоящее, что позволяет продавать товары, делать инвестиции и реализовывать прибыль прямо сейчас. В обмен он создает обязательства, которые должны быть погашены в будущем. Соответственно, долг не является случайным дополнением; это центральное явление, позволяющее реализовывать прибыль в капитализме, один из ключевых и необходимых структурных элементов, а не факультативная черта.

Хайман П. Мински¹⁶ утверждал, что развитие при капитализме сопровождается обменом текущих денег на будущие деньги. Для него настоящие деньги состоят из финансовых ресурсов для производства и инвестиций, тогда как будущие деньги представляют собой денежные потоки и прибыли, предназначенные для покрытия обязательств, созданных сегодня. Поэтому долг связывает настоящую реализацию с будущим платежом.¹⁷

Базовая логика проста:

будущий доход → нынешняя покупательная способность →
реализованная прибыль → будущее обязательство

Таким образом, если нынешний эффективный спрос недостаточен, должны выдаваться займы, чтобы создать дополнительную покупательную способность. Через этот механизм товары продаются, а прибыль реализуется, одновременно создавая будущие обязательства. Более того, долг можно разделить на долг домохозяйств, корпоративный долг и государственный долг. Каждая форма переносит в настоящее иной тип будущего дохода:

- долг домохозяйств → будущая заработная плата
- корпоративный долг → будущая прибыль
- государственный долг → будущие налоги

Долг домохозяйств — это потребительская форма закона долга. Этот тип долга позволяет домохозяйствам потреблять больше, чем они имеют в данный момент, тем самым увеличивая совокупный спрос в настоящем.¹⁸

Корпоративный долг — это производственно-инвестиционная форма закона долга.¹⁹ Фирмы занимают для того, чтобы финансировать инвестиции, производство, активы, сырье, заработную плату и расширение. Корпоративный долг делает возможными текущие инвестиции, превращая ожидаемые будущие прибыли в капитал настоящего. Хотя Марк Лавуа²⁰ указывает, что корпоративное заимствование не является безграничным.

Государственный долг — это государственная форма закона долга. Государство занимает для того, чтобы тратить больше, чем позволяют текущие налоги. Это очень мощная форма долга, потому что в конечном счете она позволяет создавать спрос, поддерживать частный доход и подтверждать частную прибыль. Она особенно важна потому, что, по сути, позволяет стабилизировать структуры частного долга. Мински утверждал, что крупный государственный дефицит создает пол под экономическим обвалом. В конечном итоге государство помогает поддерживать корпоративные прибыли, с одной стороны, и сбережения домохозяйств, с другой.²¹

В результате все три типа долга являются выражениями одного и того же закона долга.

Более точная макроэкономическая формулировка закона долга может быть дана через уравнение прибыли Калецкого, тождество прибыли Леви и секторные балансы Годли. Главный пункт, который все эти формулы показывают вместе, состоит в том, что совокупная прибыль в своей целостности не может быть объяснена просто успехом частных фирм. В действительности совокупные прибыли являются макроэкономическими потоками расходов, доходов, сбережений, дефицитов и внешних балансов.

Калецкий начинает с упрощенной модели, в которой рабочие не сберегают. Если потребление рабочих равно их доходу, тогда:

Валовая прибыль = Валовые инвестиции + потребление капиталистов

22

Казимеж Ласки и Герберт Вальтер²³ высказали по этому поводу очень интересную мысль. По существу, они утверждали, что, хотя капиталисты могут решить инвестировать или потреблять больше, они никак не могут просто решить заработать больше прибыли. Прибыль в конечном счете определяется инвестициями и потреблением капиталистов; капиталисты не решают, получают они прибыль или нет. Они описывают этот тезис как ядро теории эффективного спроса.²⁴

В общем случае Калецкий²⁵ расширяет уравнение, включая в него государство и внешний сектор.

Эта формула жизненно важна для закона долга, поскольку она показывает, что прибыли в сущности могут быть увеличены, например, через бюджетный дефицит.

С. Джей Леви и Дэвид А. Леви²⁶ показали, что Джером Леви и Михал Калецкий пришли к одним и тем же результатам относительно макроэкономического тождества прибыли разными методами. Калецкий выводил это тождество из широких категорий национального дохода, тогда как Леви строил его из

конкретных потоков средств бизнеса.²⁷ Их выводы показывают, что совокупные прибыли в своей целостности определяются этой макроэкономической структурой потоков.

Это две стороны одного и того же отношения:

- бюджетный дефицит → рост частных прибылей
- государственный профицит → снижение частных прибылей

Калецкий²⁸ доказывает, что бюджетные дефициты по сути играют ту же роль, что и экспортный излишек, в своем воздействии на прибыли. Он утверждает, что бюджетный дефицит позволяет прибылям подниматься выше уровня, определяемого частными инвестициями и потреблением капиталистов. Обратной стороной дефицита является рост государственного долга перед частным сектором.²⁹ Таким образом, мы говорим о государственном долге как о государственно опосредованном механизме, через который создается дополнительный эффективный спрос и подтверждаются частные прибыли.

Уинн Годли³⁰ дал бухгалтерскую основу этого вопроса, а именно то, что частный финансовый баланс, государственный финансовый баланс и текущий платежный баланс должны в сумме давать ноль:

Частный баланс + государственный баланс + внешний баланс = 0

По существу, это означает, что все секторы не могут одновременно находиться в профиците; если один сектор находится в профиците, другой должен находиться в дефиците. Финансовый актив одного сектора является обязательством другого сектора. Годли³¹ утверждает, что государственные дефициты и профициты платежного баланса увеличивают доход и финансовые активы частного сектора, тогда как бюджетные профициты и дефициты платежного баланса уменьшают доход и уничтожают финансовые активы.

Годли и Лавуа³² формализуют это в терминах согласованности запасов и потоков:

$$FU = I_f + DEF - SAV_h$$

Нераспределенная прибыль фирм равна инвестициям фирм плюс государственный дефицит минус сбережения домохозяйств. При прочих равных, больший государственный дефицит увеличивает нераспределенную прибыль фирм.³³

Лавуа³⁴ внес вклад в это, утверждая, что государственный долг является обязательством государства и одновременно активом частного сектора. Рост государственного долга в определенный период внутренне связан с изменениями сбережений частного сектора в тот же период.³⁵ Таким образом, государственный долг представляет собой балансовую форму частного богатства.

Это дает закону долга его бухгалтерскую форму:

профицит одного сектора требует дефицита другого сектора.

Это доказывает, что долг, дефициты, инвестиции, потребление капиталистов и внешние балансы являются денежными формами, через которые прибыль реализуется в системе как целом.

Продолжая эту тему, мы углубляемся в государственный долг. Государственный долг — это не просто один из типов долга; это центральная форма, к которой вся система тяготеет по мере своего развития в соответствии с законом долга. Через государственные дефициты государство создает спрос, поддерживает прибыли и стабилизирует частный сектор. Оно превращает будущие налоговые поступления в текущую покупательную способность, увеличивая бюджетный дефицит и государственный долг. Калецкий³⁶ дает классическую формулировку этого механизма. Отсутствие значительных государственных дефицитов может серьезно подорвать способность частного сектора нести долг.³⁷

Вольфганг Штрик³⁸ выразил похожую точку зрения, а именно определил политическую форму этого процесса. Для него государственный долг существует для управления социальными конфликтами через финансовые ресурсы, которых еще не существует. Это подразумевает, что граждане

должны произвести эти ресурсы в будущем, после чего государство соберет их для обслуживания своего долга.³⁹ Таким образом, государственный долг превращает будущую фискальную способность в настоящую власть, выдвигая ее в текущий период.

Далее Штрик⁴⁰ утверждал, что «налоговое государство» превратилось в «долговое государство» — сдвиг, видимый в действительности и подтверждающий логику закона долга. Это превращение неизбежно, потому что текущие доходы недостаточны для реализации прибыли, что делает необходимой опору на долг, реорганизуящую структуру государства. В результате суверенитет государства перестраивается; оно больше не опирается прежде всего на налогоплательщиков, а становится сильно зависимым от долга и, в частности, от кредиторов и финансовых рынков. Штрик описывает это как конфликт между *Staatsvolk* — гражданским народом — и *Marktvolk* — рыночным народом.⁴¹

Эта зависимость неизбежно ведет к ужесточению политики жесткой экономии. Как должник, государство должно поддерживать доверие своих кредиторов. Чтобы сохранять доверие этих финансовых субъектов, долговое государство должно демонстрировать свою способность выполнять обязательства. Это требует навязывания жесткой экономии населению, особенно во время кризисов. Логика такова: государство накапливает долг, чтобы облегчить реализацию прибыли, но когда происходит кризис, обслуживание этого долга требует жесткой экономии. В результате большинство населения — те, кто не являются кредиторами, — несет бремя и сокращает потребление. Поскольку прибыль не может быть реализована без долга в настоящем, государство накапливает обязательства, которые в конечном счете ложатся на само население. Прошное заимствование возвращается как нынешняя дисциплина.

Таким образом, государственный долг выполняет две функции одновременно. Экономически он создает спрос и подтверждает частные прибыли; политически он откладывает конфликт и стабилизирует социальный порядок. Однако, как и любая другая форма долга, он не устраняет противоречия

реализации. Он лишь переносит их в будущее, где они проявляются как налогообложение, рефинансирование, жесткая экономия, инфляция или новое расширение долга.

Последнее явление, представляющее одну из высших форм закона долга, — это финансиализация. Финансиализация является формой капиталистического воспроизводства, характеризующейся переносом социальных, фискальных и распределительных конфликтов на финансовые рынки, где ими управляют главным образом через рост долга.

Грета Р. Криппнер⁴² утверждала, что поворот к финансам позволил государству избежать экономических, социальных и политических дилемм, с которыми политики столкнулись начиная с конца 1960-х и 1970-х годов. Таким образом, финансиализация представляет собой институциональный ответ на кризис.⁴³

На экономическом уровне Криппнер⁴⁴ показала, что кредит увеличивает корпоративные прибыли, позволяя инвестициям и потребительским расходам превышать ограничения текущего дохода. Это и есть точный механизм временной реализации: финансовые рынки расширяют нынешний спрос, превращая будущие платежные обязательства в текущие расходы.

Похожим образом Штрик⁴⁵ связал этот процесс с фискальным кризисом демократического капитализма и стагнацией доходов домохозяйств. Финансовая дерегуляция расширила кредитные возможности для домохозяйств, фактически заменив заработную плату и социальное обеспечение кредитом.⁴⁶ Другие исследователи дали различные формализации этого процесса, подчеркивая его системную необходимость.⁴⁷

Следовательно, финансиализацию можно понимать как институционализированную долговую реализацию. Вместо того чтобы разрешить лежащее в основе противоречие — что внутренне невозможно, — система смещает его через институциональную архитектуру. Однако это также означает, что противоречия реализации накапливаются в форме долга домохозяйств, корпоративного левириджа, государственного долга, пузырей активов и финансовой хрупкости.

Государственно-долговой монополистический капитализм как концентрированная форма закона долга

Таким образом, мы пришли к пониманию того, что представляет собой закон долга и как он выражается в действительности. Мы узнали, что существуют различные типы долга, которые пронизывают всю экономику; долг не является монолитным. Но его наиболее центральное, очевидное и направляющее выражение — если бы мы сказали, что у закона долга есть лицо, — это так называемое «долговое государство» (*debt state*). Бюджетные дефициты, финансиализация и так далее — всё это высшие формы господства долгового государства. Следовательно, мы не можем просто сказать, например, что современный капитализм является монополистическим капитализмом, государственно-монополистическим капитализмом, финансовым капитализмом или империализмом. Это не самые точные способы определить государство. Они очень важны — и мы еще будем обсуждать это дальше, особенно слово «империализм» или «империалистический», — но они не могут полностью схватить ту картину, которую мы видим: государственно-долговую форму капитализма.

Иными словами, можно вполне ясно сказать, что современный капитализм в рамках этой главы и в настоящий момент представляет собой государственно-долговой монополистический капитализм.

Как я уже сказал, не всякий долг является государственным долгом; вся система насыщена им. Но государство представляет собой маску, лицо, которое мы видим каждый день, — долг, который мы постоянно ощущаем. Это особенно очевидно в исторических и современных примерах, таких как долг Соединенных Штатов.⁴⁸

В моем собственном исследовании капитализма я всегда наблюдал одно явление, о котором никто прямо не говорит. Точнее, о нем говорят, но не так ясно, как мне хотелось бы: это «схемы», которые капиталисты проворачивают с государством. Они постоянно вступают в различные схемы и заключают сделки с капиталистическим государством. Например: фирма предоставляет государству ракеты, оружие, инфраструктуру или технологии, а государство платит здесь и сейчас. Так капиталисты обогащаются и получают свой доход.

Вы берете разные страны, и схемы всегда похожи. Кто-то делает это через ресурсы, кто-то через технологии, формы различаются, но капиталисты всегда участвуют через свои компании напрямую вместе с государством, проворачивая схемы, создавая и перепродавая облигации и так далее. В конечном счете это ведет к росту государственного долга, тогда как капиталисты получают дополнительную прибыль, а их капитал и богатство растут.

Сущность этого процесса, конечно, состоит в законе долга. Дело не в том, что капитал просто хочет всех обмануть и получать прибыль исключительно за счет государства; проблема в том, что иначе это не работает. Для того чтобы капитализм — и конкретно определенные типы капиталистов, особенно крупные, — получали свои прибыли адекватным образом, они часто проворачивают эти так называемые схемы с государством. Они проявляются в разных формах. А с другой стороны, как я уже сказал, «маска» этого — то, что мы видим каждый день. Есть сущность, а есть форма ее проявления в действительности.

Закрытый кругооборот и предел чисто долговой реализации

Теперь представим следующую ситуацию. Что произошло бы, если бы у капитализма не было ничего внешнего? Иными словами, что произошло бы, если бы капитализм был полностью закрытой системой? Мы можем взять любую страну, например Соединенные Штаты, и полностью закрыть ее. Вне ее ничего не существует. Мы предполагаем, что у нее есть все необходимые ресурсы, поэтому нас не беспокоит вопрос ресурсов. Всё, что нужно для производства, физически доступно.

Но затем появляется проблема. Поскольку прибыль больше не может быть реализована через что-либо внешнее, она может быть реализована только через долг. Мы начинаем с тех же категорий, которые использовали раньше: есть прибыль, и эта прибыль должна каким-то образом быть реализована. Если она не может быть реализована за пределами закрытого кругооборота, тогда она должна быть реализована через долг. В результате начинает появляться долг.

Но проблема состоит в том, что если это единственный способ реализации прибыли, тогда каждый акт реализации прибыли, каждый акт внутри экономики, начинает производить долг. Если каждый шаг требует долга, тогда долг начинает умножаться. Для упрощения мы часто говорим так, будто прибыль реализуется один раз в год. Но в действительности прибыль не реализуется один раз в год. Прибыль реализуется непрерывно, в каждый момент обращения. Она реализуется в конкретные моменты продажи, платежа, авансирования, кредита, покупки и погашения.

Поэтому, если прибыль реализуется непрерывно, тогда и долг навязывается непрерывно. Долг немедленно становится частью системы, а затем продолжает расти и расширяться. Логика состоит в том, что в такой чистой модели долг должен был бы расти лавинообразно. Он стремился бы к бесконечности или, по крайней мере, резко подпрыгивал бы вверх как будто в геометрической прогрессии. Именно это произошло бы, если бы мы вообразили систему, которая живет исключительно через долг.

Но в действительности мы никогда этого не видим. Мы никогда не видим страну, которая просто закрывает себя, живет как капиталистическая система только через долг и нормально продолжает таким образом существовать. Во-первых, это исторически невозможно. Во-вторых, даже гипотетически, в какой-то идеальной вселенной, долг мог бы, по-видимому, расти к бесконечности, но в реальности этого не может произойти. Если система начинает жить исключительно через долг, она просто очень быстро заканчивается. Она фактически не будет ждать, пока долг достигнет бесконечности. Она войдет в постоянный кризис, перестанет воспроизводить себя или прекратит существовать как система задолго до этого. Ей не нужно ждать бесконечного накопления долга. Сам долг просто перестает работать, если остается один.

Это означает, что так называемая лавина долга — лишь гипотетическая ситуация. Это то, что произошло бы, если бы капиталистическая система была помещена в закрытый кругооборот и попыталась реализовывать прибыль только через долг. Но такая ситуация никогда полностью не достигается в действительности, потому что капитализм не может существовать в такой

форме. Такого случая не существует, потому что он невозможен. Если бы одного долга было достаточно, капитализму не нужен был бы никакой другой механизм реализации. Он мог бы просто отправлять всё в будущее через долг и продолжать бесконечно. Но история показывает не это. Система ломается раньше, чем может стать устойчивым режимом чисто долговой реализации.

Долг может нормально функционировать только тогда, когда он связан с другим механизмом реализации, который будет проанализирован в следующей главе. Закон долга, взятый сам по себе, не работает как самостоятельный механизм. Если система входит в ситуацию, где она не может реализовать прибыль за пределами закрытого кругооборота, тогда долг ее не спасает. Система просто умирает, рушится или мутирует в другую форму. Сам по себе долг не может заменить более широкий механизм реализации.

Поэтому закон долга следует понимать как вторичный, лежащий в основании и одновременный механизм. Он всегда присутствует. Он всегда работает. Мы всегда будем видеть рост долга в капитализме, потому что долг является одной из необходимых форм, через которые происходит реализация. Но долг не является основанием, которое заменяет всё остальное. Он не является главным механизмом сам по себе. Он не позволяет капитализму жить на чистом долге. Это один необходимый механизм среди других, и его отношение к пространственной форме реализации будет обсуждено в следующей главе.

В то же время это не означает, что закона долга не существует. Напротив, долг всегда здесь. Нет капитализма без долга. Нет капиталистической системы, в которой долг не растет в той или иной форме. Он может расти внутри одной страны или по всей мир-системе. Он может выступать как долг домохозяйств, корпоративный долг, государственный долг, внешний долг или финансовый леверидж. Но долг всегда присутствует, потому что капитализм всегда нуждается в механизмах реализации.

В идеальном мире можно было бы представить систему, в которой долг просто растет вечно, и все о нем забывают. Долг просто продолжает расти к бесконечности, и тем самым система поддерживает себя. Но это возможно

только в параллельной вселенной, где законы реальности работают иначе. В действительности этот костыль не создает самоподдерживающееся воспроизводство. Он может поддерживать систему только в том случае, если работает еще что-то.

Кроме того, по-настоящему самоподдерживающаяся альтернативная система не нуждалась бы в этих законах в такой форме. Она воспроизводила бы себя фактом собственной структуры. Но капитализм не может этого сделать. Капитализм должен поддерживаться через долг и через другой механизм реализации.

Реальный закон — это сам закон реализации. Долг является его временной осью. Но капитализм также требует пространственной реализации: механизма, через который прибыль реализуется за пределами закрытого внутреннего кругооборота. Эта пространственная форма реализации — то, что я называю законом внешнего сбыта, и она будет проанализирована в следующей главе.

Пространственная ось: закон внешнего сбыта

Внешний сбыт как внешний спрос в пространстве

Теперь мы подошли к пространственной оси реализации. Ранее мы обсуждали временную ось, которая выступает как закон долга. Но закон реализации действует не только во времени. Он действует также в пространстве. Эту вторую ось можно назвать законом внешнего сбыта, или, точнее, законом внешнего сбыта.

Под внешним сбытом я не имею в виду внутренние продажи в обычном смысле слова. Я не имею в виду просто то, что товары продаются где-то внутри уже заданного капиталистического кругооборота. Когда я говорю о законе внешнего сбыта, я имею в виду внешний сбыт, империалистический сбыт: пространственный механизм, через который капитализм реализует себя вне собственного центра.

Центральный пункт состоит в том, что капитализм не может избежать продажи вовне. Он не может избежать экспансии. Он должен постоянно искать внешние пространства реализации. Эти пространства могут быть формально капиталистическими, некапиталистическими, полукapиталистическими, феодальными, колониальными, зависимыми или какими-то еще. Точная юридическая или историческая форма здесь не является главным вопросом. Важно то, что эти пространства не являются самым империалистическим ядром.

Есть империалистическое ядро, и есть всё вокруг него, что не является ядром. Это окружающее пространство можно назвать периферией. Периферия — не просто географическое место. Это пространственная форма империалистического внешнего сбыта. Это место, или, точнее, структурированная зона, через которую центр реализует, расширяет, извлекает и переносит стоимость.

Процесс империалистического внешнего сбыта состоит именно в создании и постоянном поддержании этой периферии. Капитализм не просто находит уже данную периферию. Он производит ее, организует ее, дисциплинирует ее и воспроизводит ее как периферийное пространство.

Это означает, что внешний сбыт — не просто место, где продаются товары. У него есть определенные свойства. Первое свойство — неравный обмен. Империалистический внешний сбыт необходимо предполагает неравный обмен, потому что если бы центр обменивался с периферией на равных условиях, проблема не была бы решена. Закон внешнего сбыта предполагает, что центр должен поддерживать неравное отношение с периферией. Иначе внешний обмен не функционировал бы как империалистическая реализация.

Второе свойство — деградация. Если у периферии нет самостоятельного механизма развития — например, если у нее нет антикапиталистической формы развития, которая здесь обсуждаться не будет, — тогда под капиталистическим господством она не может по-настоящему развиваться. Она вынуждена находиться в положении, где ее собственное воспроизводство подчинено воспроизводству центра.

Ресурсы извлекаются. Труд истощается. Производственные мощности искажаются. Условия социального воспроизводства ухудшаются. Возможности автономного развития сокращаются. В этом смысле периферия воспроизводит бедность, зависимость, угнетение и деградацию.

Следовательно, периферия не просто «бедна». Ее делают периферией. Ее удерживают в положении, где ее труд, ресурсы и рынки служат реализации центра. Закон внешнего сбыта означает, что капитализм пространственно смещает свою проблему реализации, создавая и поддерживая периферийные зоны неравного обмена, извлечения и деградации.

Таким образом, пространственная ось реализации, то есть империалистический внешний сбыт, или просто внешний сбыт, может также пониматься как создание спроса за пределами империалистического центра. Это внешний спрос, который компенсирует ту же самую проблему: нехватку достаточного эффективного спроса, необходимого для реализации капитала, для реализации прибыли и для превращения прибавочной стоимости в прибыль.

Из этого можно сделать еще один вывод. Мы говорим не только о завоевании территории в абстрактном смысле. Дело не просто в том, чтобы найти какое-то пустое пространство, например Луну, и колонизировать его. Суть не только в территории. Суть в наличии людей.

Ресурсы могут быть колонизированы и присвоены, но это происходит несколько иным образом. Можно сказать, что там, где есть ресурсы, также может быть сформирована периферия, даже если раньше она не существовала в такой форме. Но это параллельный процесс. Он связан с вопросом, но не составляет всей сущности закона внешнего сбыта.

Когда мы говорим о законе внешнего сбыта, существенный пункт состоит в том, что капитализм идет туда, где есть люди. Мы говорим не только о местах, где есть ресурсы. Мы говорим о местах, где есть люди, а люди часто организованы вокруг этих ресурсов. Конкретная форма может различаться в

зависимости от территории, исторической ситуации и конкретной структуры экономики. Но главный пункт остается: империализм должен продавать товары. Он не только извлекает ресурсы. Он также должен реализовывать.

Все остальные процессы происходят вместе с этим: извлечение ресурсов, контроль над территориями, преобразование производства, политическое господство и так далее. Но центральный механизм всё равно требует людей. Должен быть кто-то, кого можно эксплуатировать на периферии.

Поэтому периферия автоматически предполагает поиск людей, которые могут быть включены в империалистический внешний сбыт. Закон внешнего сбыта означает поиск человеческих популяций, которые могут быть эксплуатированы, чьи ресурсы могут быть присвоены, чей труд может быть подчинен, чьи рынки могут быть открыты и чья экономическая жизнь может быть соединена с реализацией прибыли в центре.

В этом смысле империалистический внешний сбыт — это пространственная организация людей, труда, ресурсов и рынков для реализации капитала.

Теоретические основания закона внешнего сбыта

Теоретические основания этого закона можно найти у других авторов, включая классических теоретиков империализма: Гобсона, Гильфердинга, Ленина и Бухарина. Конечно, они не описывали этот процесс как закон внешнего сбыта, но они выявили его ключевые характеристики. Иными словами, они описали, чем этот закон является на практике: избыточные товары, избыточный капитал, необходимость внешних рынков, экспорт капитала, финансовый капитал, монополия, государственная власть и борьба за экономическую территорию.

Гобсон дает одну из самых ясных формулировок этой проблемы. Для Гобсона империализм коренится во внутреннем неправильном распределении дохода. Это происходит потому, что люди в центре потребляют недостаточно, тогда как богатые сберегают, или, точнее, накапливают, гораздо больше, чем может быть прибыльно инвестировано внутри страны. В результате капитализм порождает избыточные товары и избыточный капитал. Это уже напоминает исходную формулировку проблемы реализации. Гобсон рассматривает

проблему реализации со стороны внешнего движения капитализма. Для него империализм становится силой промышленных и финансовых интересов, переплетенных между собой, которые ищут внешние рынки и внешние инвестиции для того, что не может быть продано или использовано внутри страны.⁴⁹

Хотя Гобсон считал, что империалистическое давление может быть преодолено, что противоречит логике закона реализации, он тем не менее указал на реальные факты. Именно поэтому он важен здесь.

Гильфердинг ввел понятие финансового капитала в своей одноименной работе. Он определял финансовый капитал как банковский капитал, превращенный в промышленный капитал. Слияние банковского и промышленного капитала концентрирует капиталистическую власть и превращает обычную конкуренцию в господство. Согласно его логике, государство, находящееся под властью финансового капитала, должно защищать внутренний рынок через тарифы, поддерживать экспорт капитала и содействовать завоеванию внешних рынков.⁵⁰

По существу, Гильфердинг показал, как концентрированная капиталистическая власть превращает свое движение в конкретную и регулярную, направленную вовне форму господства через государство. Государство становится инструментом этого внешнего движения.

Ленин говорил еще радикальнее. Он определял империализм как монополистическую стадию капитализма. Для него империализм — это особая стадия капитализма, высшая стадия капиталистического развития, на которой экспорт капитала становится особенно важным, а мир оказывается поделен между международными трестами и великими державами. Он утверждает, что капитализм в развитых странах становится перезрелым и поэтому должен двигаться вовне в поисках прибыльных инвестиционных возможностей. Так капитал начинает экспортироваться.⁵¹

Понимание Ленина важно потому, что мы говорим не просто о внешнем рынке в банальном смысле торговли с кем-то другим. Мы говорим о поле приложения капитала, о внешних инвестициях. Периферия становится

привлекательной потому, что там мало капитала, заработные платы низкие, конкуренция слабее, сырья много, а прибыли выше.

В *Империализме и мировом хозяйстве* Бухарин представляет современный капитализм как государственно-центрированный, включающий конкуренцию между национально-государственными капиталистическими трестами. Несмотря на интернационализацию капитала, государство национализирует эти интересы, организуя национальный капитал политически, военно и экономически в глобальном масштабе.⁵²

Определение Бухарина важно для этой теории потому, что он показывает: мы говорим не просто о рынках, с которыми капитализм торгует как с чем-то внешним и нейтральным. Напротив, капитализм организует, защищает и эксплуатирует эти территории. Это не просто акт взаимодействия. Это акт производства: производство империалистического внешнего сбыта.

Таким образом, эти авторы показывают, как зрелый капитализм стремится выйти за пределы собственного центра. Он постоянно ищет внешние рынки, внешние инвестиции, сырье, труд и территории. Каждый автор объясняет это по-своему, подчеркивая разные факторы. Но общий образец ясен: монополия, финансовый капитал, избыточный капитал и недостаточное внутреннее поглощение толкают капитализм к внешней экспансии.

Важно снова подчеркнуть, что внешний сбыт — это не просто продажа товаров за границу. Это механизм, через который капитализм пытается поглотить избыточные товары, избыточный капитал и давление, связанное с реализацией прибыли. Внешний сбыт — это пространственный способ, которым капитализм движется в ответ на проблему реализации.

Баран и Суизи говорили о проблеме поглощения растущего излишка. Их аргумент в иной форме повторяет проблему, выявленную более ранними авторами: монополистический капитализм производит больше излишка, чем он может поглотить. Это ведет к необходимости экспансии. Они также утверждали, что поглощение излишка происходит через милитаризм и государственные расходы.⁵³ Поэтому внешний сбыт нельзя свести к одной

простой операции, будь то экспорт, инвестиции или колониальная торговля. Это пространственная форма, через которую капитализм смещает, преобразует и реализует свой излишек.

Особенно показательным является спор между Розой Люксембург и Самиром Амином. Люксембург утверждала, что капитализм требует некапиталистической среды, среды, которая не тождественна самому капитализму или империалистическому центру, для того чтобы реализовывать прибавочный продукт и прибыль. Именно эта проблема и обсуждается здесь. Капитал не может полностью реализовать прибыль внутренне и поэтому ищет механизмы реализации, включая внешние механизмы. Люксембург ясно выразила эту проблему, и я с ней согласен. Короче говоря, согласно Люксембург и согласно аргументу, развиваемому здесь, капитализм не может полностью реализовать себя без внешней среды, которая в каком-то смысле является некапиталистической.⁵⁴ Вопрос о том, что именно здесь означает «некапиталистическая», является отдельным и должен рассматриваться осторожно.

Амин, в свою очередь, критиковал эту формулировку. Он утверждал, что капитализму не нужны внешние рынки просто для того, чтобы реализовывать свои внутренние механизмы. Для него капитал движется вовне по прагматическим и прибыльным причинам: потому что там дешевый труд, потому что там гораздо выше норма прибыли и потому что периферия предоставляет условия для сверхприбыли. Иными словами, для Амина капитал идет на периферию потому, что это более прибыльно, а не потому, что реализация этого требует.⁵⁵

Однако аргумент Амина не опровергает прозрение Люксембург. Факты, которые он описывает, реальны, но они не опровергают проблему реализации. Напротив, они показывают, как прозрение Люксембург действует на практике.

Это важно для вопроса о некапиталистической среде. Представим ситуацию, в которой существует один капитализм и другой капитализм, но второй уже больше не является по-настоящему периферийным. Представим, что второй капитализм не обладает теми характеристиками, на которые указывает Амин:

заработные платы такие же, как на Западе, норма прибыли такая же, как на Западе, и общие условия равны. Согласно логике Амина, капитал не пошел бы туда, потому что это не было бы особенно прибыльно. Условия были бы одинаковыми.

Но проблема в том, что если это две капиталистические системы, обе сталкиваются с проблемой реализации. Если один капитализм не может реализовать себя через другой, тогда вместе они пойдут куда-то еще и реализуют себя там. Например, если Германия и Британия являются развитыми капиталистическими державами, они могут конкурировать, сотрудничать или частично выстраиваться как капиталистические силы, а затем совместно эксплуатировать внешнюю периферию. Выравнивание заработных плат не опровергает теорию реализации. Оно ее подтверждает. Если две капиталистические системы становятся структурно эквивалентными, они просто становятся частью более широкого капиталистического целого, и проблема реализации продолжается на уровне этого расширенного целого.

Поэтому даже если заработные платы в бывшей периферийной стране выросли бы до уровня Запада и капитал перестал бы туда двигаться, потому что это больше не было бы прибыльно, это не доказало бы, что изначально капитал двигался туда только из-за прибыли, а не из-за реализации. Эти два объяснения не являются отдельными. Проблема реализации и конкретные механизмы прибыли, дешевого труда и неравного обмена — это один и тот же процесс, увиденный с разных сторон.

Как уже отмечалось, пункт Люксембург касается не просто другого капитализма, а некапиталистической среды. Империализм нуждается не просто в другом, более бедном капитализме. Ему нужна внешняя среда, которая может функционировать как внешний сбыт. Если существует другой капитализм, столь же развитый, как первый, тогда он уже не является по-настоящему периферией. А если территория является периферией, то она уже отмечена деградацией, низкими заработными платами, подчинением и высокой прибылью. Эти черты появляются вместе.

Но если бы в мире возник другой тип некапиталистической системы — такой, который не был бы ни обычным капитализмом, ни обычной периферией, — тогда капитализм мог бы торговать с ним и реализовывать через него часть своей проблемы, даже если заработные платы не были бы чрезвычайно низкими и даже если сверхприбыли не производились бы в той же обычной периферийной форме. Тогда вопрос стоял бы иначе. Сверхприбыли могли бы всё равно появляться, но они не обязательно вели бы к деградации этой территории.

Суть в том, что капитализм не просто хочет получить больше прибыли. Он должен реализовать прибыль. На обычной периферии прибыль огромна именно из-за проблемы реализации. Капитал находит там высокие прибыли потому, что прибавочный продукт, произведенный на Западе, появляется как деньги на Востоке. Прибавочный продукт производится в одном пространстве, но реализуется в другом. В этом центральный смысл, хотя его нужно будет продемонстрировать дальше.

Если довести позицию Амина слишком далеко, можно ошибочно заключить, что если возникает второй капитализм, развивается и догоняет первый капитализм, тогда они могут просто торговать друг с другом и оба развиваться, завися только от условий заработных плат и прибыльности. Но это не так. Периферия под воздействием капитала должна деградировать, а не развиваться. Поэтому логика Амина может привести к неправильным выводам, если ее отделить от закона реализации.

Вывод из этого спора можно сформулировать так: закон внешнего сбыта объединяет обе позиции. Люксембург говорит, что прибавочный продукт должен быть реализован вне капиталистического центра. Амин говорит, что периферия характеризуется сверхприбылями, дешевым трудом, неравным обменом и переносом стоимости. Но эта сверхприбыль является реализованной формой прибавочного продукта. Излишек производится в центре, но реализуется через периферию. Это не два разных процесса. Это один и тот же процесс.

Поэтому Люксембург и Амин не являются просто противоположностями. Они описывают две стороны одного и того же закона. Люксембург выявляет необходимость внешней реализации. Амин выявляет конкретные механизмы, через которые эта внешняя реализация действует: дешевый труд, сверхприбыль, неравный обмен и перенос стоимости.⁵⁶

Смысл, стоящий за обеими позициями, один: закон внешнего сбыта.

Там, где существует необходимость реализовываться вовне, будут стремиться появляться неравный обмен, подавленные заработные платы, высокие прибыли и периферийная деградация. Однако это не всегда проявляется в совершенно одной и той же форме. В последующих работах я покажу, что капитализм остается подчиненным закону реализации, закону долга и закону внешнего сбыта, но это не всегда означает, что Восток будет деградировать обычным образом или что он станет капитализмом, который затем деградирует другие территории.

Скорее, при определенных условиях периферия может оставаться периферией для Запада, для капитализма и для капитала, переставая быть периферией для самой себя.

Она может быть периферией относительно капитализма, но не абсолютно периферией. Она может стать чем-то другим.

Есть еще одно важное уточнение. Закон внешнего сбыта нельзя смешивать с производством. Периферия не является прежде всего местом, где производится империалистическая сверхприбыль. Она является прежде всего местом, где прибавочный продукт, уже произведенный внутри капиталистического центра, реализуется, переносится и присваивается через неравный обмен.

Это различие существенно. Можно возразить, что прибавочная стоимость также производится на периферии. В формальном смысле это верно: где существует наемный труд, там может производиться прибавочная стоимость. Но это еще не объясняет империалистическую сверхприбыль. Если периферия характеризуется низкой производительностью, слабым промышленным развитием, деградировавшей инфраструктурой и

подчиненным производством, тогда локально произведенная масса прибавочной стоимости может быть слишком мала, чтобы объяснить огромные прибыли, присваиваемые империалистическим капиталом. Сам факт дешевого труда еще не объясняет сверхприбыль, если производительность также чрезвычайно низка.

Например, если рабочий в центре производит тысячу единиц в час, тогда как рабочий на периферии производит десять единиц в час, то даже если норма эксплуатации формально сходна, масса прибавочного продукта, произведенного на периферии, остается намного меньше. В таком случае недостаточно сказать, что капитал идет на периферию потому, что труд дешев. Один дешевый труд не объясняет величину империалистической прибыли. Решающий вопрос состоит не только в том, где происходит производство, но и в том, где и как прибавочный продукт реализуется как деньги.

Именно поэтому периферию нужно понимать как пространство реализации, а не как главный источник производства. Ее специфическая функция состоит в том, что она обеспечивает условия, при которых излишек может быть реализован, присвоен, удешевлен и перенесен. Периферия организуется через неэквивалентный обмен, подавленные заработные платы, зависимые рынки, извлечение ресурсов и политическое подчинение. Эти условия позволяют центру завершить реализацию излишка в денежной форме.

То же самое относится к случаям, когда западный капитал, западные специалисты, западные технологии или западные организационные формы действуют на периферийной территории. В таких случаях производство может физически происходить на периферии, но это не означает, что сама периферия стала автономным источником излишка. Если производительная сила, капитал, технология, управление и конечная цель остаются связанными с центром, тогда процесс всё еще системно организован центром. Периферия функционирует как территория, через которую осуществляется эта организация.

Поэтому географического положения недостаточно. Производство, расположенное на периферии, не обязательно является производством самой периферии. Если западный капитал использует периферийную территорию для того, чтобы реализовывать, удешевлять и присваивать стоимость для центра — например, через горнодобывающие анклавы, добычу нефти, колониальные плантации или ресурсно-экспортные зоны, — тогда периферийное пространство остается моментом империалистической реализации, а не автономным производственным центром.

Это также объясняет, почему капитализм не просто развивает периферию в другой полностью развитый капиталистический центр. Если бы источником империалистической сверхприбыли было просто производственное развитие периферии, тогда капитал был бы заинтересован в том, чтобы развивать периферию как можно сильнее. Но исторически происходит противоположное. Периферия модернизируется выборочно, структурно искажается и удерживается в зависимом положении. Она развивается только постольку, поскольку это развитие служит потребностям реализации центра.

Если бы периферия была полностью развита, если бы заработные платы выросли до уровня центра, если бы производительность, суверенитет, промышленная мощность и социальное воспроизводство больше не были подчинены, тогда она перестала бы функционировать как периферия. Она стала бы частью капиталистического центра или, по крайней мере, частью расширенного капиталистического кругооборота. Но тогда проблема реализации просто вновь появилась бы на уровне этого расширенного кругооборота, и капитализм должен был бы искать новую периферию.

Таким образом, периферия не развивается; она поддерживается как периферия. Ее функция — подчиненная реализация. Поэтому закон внешнего сбыта утверждает, что периферия организуется как внешнее пространство, через которое излишек, произведенный центром, реализуется и присваивается.

В этом смысле ошибка Амина состоит в том, что он рассматривает дешевый труд, сверхприбыль и неравный обмен так, будто они являются первичной причиной внешней экспансии. С точки зрения закона внешнего сбыта, они не

являются причиной. Они являются необходимой формой, через которую действует империалистический внешний сбыт. Неравный обмен и сверхприбыль не являются альтернативами проблеме реализации. Они являются конкретными механизмами, посредством которых происходит пространственная реализация.⁵⁷

В своей классической форме, особенно до Первой мировой войны и до появления Советского Союза, капитализм можно понимать как мировую систему, разделенную на две крупные зоны.

Первая зона — зона производства. Это капиталистический центр: развитая часть мира, место, где концентрируются производительные силы, промышленность, технология, концентрация капитала и основное производство прибавочного продукта. Это пространство, где излишек прежде всего производится.

Вторая зона — зона реализации. Это периферия: внешнее пространство, организованное вокруг центра, подчиненное ему и заставленное функционировать как место, где прибавочный продукт центра может быть реализован. Конечно, это не означает, что на периферии вообще ничего никогда не производится. Смысл точнее: периферия функционирует как зона реализации той части прибавочного продукта, которая не может быть полностью реализована внутри самого центра.

Таким образом, классический капитализм делит мир на центр производства и периферию реализации.

Это разделение производит на первый взгляд парадоксальную ситуацию. На периферии мы как будто наблюдаем сверхприбыли. Но эти сверхприбыли не создаются прежде всего самой периферией. Периферия не создала их автономно. Она не обладала развитыми производительными силами, сравнимыми с центром. Она не просто сама произвела огромный излишек, и капитал не просто нашел там уже существующие фабрики и экспроприировал их. Во многих случаях таких фабрик вообще не было.

Откуда же взялась денежная форма сверхприбыли?

Она взялась из того, как капитализм организовал периферию как внешний сбыт. Капитализм произвел периферию как пространство реализации. Он организовал торговлю, заработные платы, цены, инфраструктуру, извлечение ресурсов, политическое подчинение и неэквивалентный обмен таким образом, чтобы излишек, произведенный в центре, мог быть реализован через периферию.

Эта организация имела негативные последствия, но эти последствия не были случайными. Деграция периферии, низкие заработные платы, слабая инфраструктура, зависимое производство, искаженное развитие и социальное истощение не отделены от этого процесса. Они являются видимыми формами, через которые периферия организуется как внешний сбыт.

Другие исследователи также говорили о деграции периферии. Амин, например, утверждал, что интеграция в мировой рынок производит развитие недоразвития на периферии.⁵⁸

Франк утверждал, что метрополия развивается именно через экспроприацию излишка у своих сателлитов, тогда как периферия, напротив, деградирует, потому что не имеет доступа к этому излишку.⁵⁹

Опять же, когда мы говорим о понимании того, что действительно происходит, эти авторы могут не полностью объяснять законы, через которые действует этот процесс. Тем не менее главный пункт ясен: развитие центра ведет к деграции периферии.

Конечно, здесь нужно упомянуть и Валлерстайна. Он дал нам понимание этого процесса через понятие мир-системы. Мир разделен; глобальный труд разделен на разные зоны: ядро, периферию и полупериферию. Эти зоны занимают разные позиции. Ядро концентрирует власть, как экономическую, так и государственную; оно концентрирует более прибыльные виды деятельности и более квалифицированные трудовые процессы. Периферийная зона, согласно логике Валлерстайна, получает более низкоранговое производство, более слабые структуры и менее развитые трудовые процессы.⁶⁰

Для Валлерстайна ядро экспроприирует прибавочную стоимость не только внутренне, внутри самого центра, но и внешне. Это верно, хотя еще не полностью объясняет законы, через которые этот процесс действует, как обсуждалось выше.

Пребиш и Зингер утверждали, что центр удерживает выгоды технического прогресса, тогда как периферийные страны передают часть плодов собственного технического прогресса центру. Зингер также утверждал, что выгоды от торговли распределяются неравно, причем большая доля течет к более сильной стороне.⁶¹

Как можно видеть, даже если оставить в стороне Маркса, Ленина и сходных авторов, отношение между центром и периферией, или между империализмом и периферией, всё равно действует по принципу неравномерного роста, или, точнее, поляризации роста. С одной стороны происходит развитие; с другой — деградация.

Эммануэль, между тем, определял неравный обмен через международные различия в заработной плате. По существу, он утверждал, что неравенство заработных плат ведет к неравным обменным ценам. Этот пункт уже обсуждался.⁶²

Беттельхейм критиковал Эммануэля. Беттельхейм утверждал, что неравный обмен является не коренной причиной глобального неравенства, а скорее поверхностным проявлением более глубоких отношений господства и эксплуатации. Иными словами, различие между богатыми и бедными странами определяется до обмена. Эти вопросы вытекают из глобальных отношений власти, заблокированного развития производительных сил и рамки империалистических производственных отношений.⁶³

Браун утверждает, что международные цены и империалистическая власть являются ключевыми двигателями неравенства заработных плат. Он утверждает, что монопольный контроль центра, технологическое господство и дискриминационная торговая политика позволяют ему навязывать

неблагоприятные цены зависимым странам.⁶⁴ Поэтому неравный обмен должен рассматриваться через призму монопольной власти, способности устанавливать цены и поддерживаемой государством иерархии.

Эмпирическое исследование Хикела и его коллег дает количественное представление о чистом присвоении Глобальным Севером у Юга. Их оценки показывают масштабное чистое присвоение воплощенных сырьевых материалов, земли, энергии и труда.⁶⁵

Всё это может казаться очевидным, но это всё равно нужно проговорить отдельно, потому что некоторые исследователи отрицают существование неравного обмена и рассматривают его как фикцию. Однако, как уже было показано, неравный обмен не является причиной сам по себе. Он является результатом закона реализации. К сожалению, пространственная реализация неотделима от присвоения.

Если мы обратимся к государству, мы увидим, что государство играет центральную роль в этом империалистическом процессе, как оно всегда и делает. Все эти отношения в конечном счете концентрируются в государственной власти. Закон внешнего сбыта также проходит через государство. Когда мы говорим о периферии, мировом внешнем сбыте и зоне реализации, мы говорим не о чем-то, что просто появляется на карте и существует само по себе. Это постоянно производится. Внешние рынки, инвестиционные поля, колониальные территории, сырьевые зоны и зависимые периферии создаются через государство, государственную власть, принуждение, милитаризм, тарифы, финансовое господство и, конечно, войну.

Гобсон также говорил об этом. Смысл состоит в осуществлении интересов банковского и промышленного капитала. Империализм проявляется через войну, милитаризм, агрессивную внешнюю политику и сходные механизмы. В этой формулировке государство используется для создания частного внешнего сбыта через публичную силу.⁶⁶

Гильфердинг утверждал, что финансовому капиталу не нужна свобода. Ему нужно господство. Поэтому государство должно обладать достаточной властью, чтобы воплотить это господство в действительности.⁶⁷

Здесь можно упомянуть и других авторов: Ленина, Бухарина, Валлерстайна, Франка и Амина, которые показали этот процесс на примере Латинской Америки и более широкой периферии. Все они говорят об одном и том же общем отношении: отношении метрополии и сателлита, господстве империализма над периферией и подчинении периферийного пространства потребностям центра.⁶⁸

Именно поэтому другие теоретики часто видят дешевый труд, плохую инфраструктуру, низкие заработные платы и высокие прибыли на периферии и рассматривают их как объяснение империалистической прибыли. Но это не самая глубокая причина. Это формы проявления более глубокого отношения. Центральное отношение — это разделение между местом, где излишек производится, и местом, где излишек реализуется.

Самое важное проявление — это проявление сверхприбыли. Кажется, будто сверхприбыль производится на периферии. Но в действительности она там реализуется. Излишек должен сначала быть произведен; только затем он может быть реализован. Центр является главным местом производства прибавочного продукта. Периферия является организованным местом его реализации.

Формулировка закона внешнего сбыта

Теперь закон внешнего сбыта можно сформулировать прямо.

Закон внешнего сбыта утверждает, что капитализм пространственно смещает проблему реализации, создавая и поддерживая внешние зоны спроса, инвестиций, дешевого труда, сырья, неравного обмена, переноса стоимости и политической зависимости.

Этот закон относится к внешней, империалистической реализации. Внешний сбыт — это структурированное пространство, через которое центр реализует прибыль, экспортирует капитал, извлекает ресурсы, подчиняет труд,

переносит стоимость и воспроизводит периферию.

Закон внешнего сбыта можно суммировать следующим образом: капиталистический центр сталкивается с проблемой реализации; он расширяется вовне; он создает империалистический внешний сбыт; этот внешний сбыт организуется как периферия; периферия функционирует через неравный обмен и деградацию.

У внешнего сбыта есть несколько необходимых измерений.

Во-первых, это рынок. Он создает спрос за пределами империалистического центра.

Во-вторых, это инвестиционное поле. Он позволяет экспортировать и инвестировать избыточный капитал при более прибыльных условиях.

В-третьих, это источник дешевого труда. Он предоставляет рабочую силу по заработным платам ниже того, что оправдывали бы различия в производительности.

В-четвертых, это источник ресурсов. Он поставляет сырье, землю, энергию, продовольствие и экологическую емкость.

В-пятых, это структура переноса стоимости. Через неравный обмен центр присваивает труд, ресурсы и излишек периферии.

В-шестых, это политическое отношение. Оно требует государственной власти, принуждения, военной силы, долга, договоров, монополий и международных институтов.

В-седьмых, он производит деградацию. Периферии препятствуют развиваться автономно, потому что ее воспроизводство подчинено воспроизводству центра.

Таким образом, долг — это реализация во времени. Внешний сбыт — это реализация в пространстве. Периферия — это организованный империалистический внешний сбыт.

Закон долга и закон внешнего сбыта, следовательно, являются двумя осями одного и того же закона реализации. Долг смещает противоречие в будущее. Внешний сбыт смещает противоречие во внешнее пространство.

Мост: от империалистического внешнего сбыта к антикапиталу

У закона внешнего сбыта есть необходимое следствие: если территория интегрируется в мировой рынок как периферия, она должна стремиться к зависимости, неравному обмену и деградации.

Однако это создает теоретическую проблему. Что происходит, если страна интегрируется в мировой рынок, торгует с империалистическим центром, получает капитал, продает товары, покупает товары и всё же не становится деградировавшей периферией? Что происходит, если она развивается, сохраняет суверенитет, навязывает капиталу условия и использует мировой рынок, не будучи поглощенной как обычная периферия?

Такой случай не отменяет закон внешнего сбыта. Закон всё равно действует. Капитализм всё равно требует внешнего сбыта. Ему всё равно нужны внешний спрос, инвестиционные поля, труд, ресурсы и рынки. Но если деградация блокируется, тогда внутри этого общества должна действовать другая внутренняя логика.

Именно здесь становится необходимой последующая теория антикапитала.

Торговля с капитализмом не доказывает, что страна является капиталистической. Антикапитализм не требует автаркии. Неавтаркическая антикапиталистическая формация может торговать с капитализмом, сопротивляясь периферийной деградации. Она может частично выполнять функцию внешнего сбыта, одновременно преобразуя условия, на которых внешний сбыт действует.

Смысл не в том, что антикапитал немедленно отменяет внешний сбыт. Скорее, антикапитал управляет внешним сбытом, ограничивает и преобразует его. Он может позволять капитализму реализовывать часть его спроса, предотвращая при этом полное превращение общества в деградировавшую периферию.

Это различие стратегически важно. Если капитализм лишит внешнего сбыта слишком резко, он не просто исчезнет. Он стремится к кризису, панике, принуждению и войне. Поэтому преобразование внешнего сбыта нельзя понимать как простой уход из мирового обмена. Его нужно понимать как контролируемое преобразование условий обмена, суверенитета, развития и реализации.

Для настоящей главы вывод ограничен, но важен: если империалистический внешний сбыт в норме производит периферийную деградацию, тогда недеградация при глобальной интеграции указывает на другой внутренний закон.

Этот внутренний закон позднее будет рассмотрен как антикапитал. Здесь достаточно установить правило: капитализм производит периферию через империалистический внешний сбыт. Если общество сопротивляется этой периферизации, продолжая участвовать в мировом обмене, тогда его нельзя объяснить одной только обычной логикой капиталистического внешнего сбыта.

Государственно-долговой империалистический монополистический капитализм

Две оси закона реализации теперь позволяют охарактеризовать современную форму капитализма более точно.

Капитализм реализует себя через два фундаментальных смещения. Во-первых, он смещает проблему реализации во время через долг. Во-вторых, он смещает проблему реализации в пространство через империалистический внешний сбыт. Долг — это временная ось реализации. Внешний сбыт — пространственная ось реализации.

Если взять эти две оси вместе, современный капиталистический центр — Запад, или, точнее, империалистическое ядро — предстает не просто как капитализм вообще.

Современное империалистическое ядро лучше понимать как *государственно-долговой империалистический монополистический капитализм*.

Этот термин необходим потому, что государство стало точкой, в которой концентрируются две оси реализации.

С одной стороны, государство концентрирует закон долга. Бюджетные дефициты, государственный долг, финансовые рынки, казначейские ценные бумаги, центральные банки, кризисные спасения, военные расходы и жесткая экономия — всё это показывает, что капиталистическая реализация всё больше зависит от способности государства втягивать будущий доход в настоящее. Долговое государство становится видимой формой временной реализации. Оно позволяет капиталу реализовывать прибыль сегодня, создавая обязательства, которые общество должно нести в будущем.

С другой стороны, государство концентрирует закон внешнего сбыта. Империалистическая экспансия, военная сила, торговые режимы, санкции, колониальные и неоколониальные отношения, контроль над сырьем, глобальные цепочки стоимости, неравный обмен и подчинение периферийных зон — всё это требует государственной власти. Внешний сбыт не просто находится капиталом. Он производится, защищается и дисциплинируется государством.

Таким образом, государство является институциональной формой, через которую закон реализации становится исторически конкретным. Через государство оба механизма организуются, защищаются и воспроизводятся.

Именно поэтому современный Запад нельзя адекватно описать только как «монополистический капитализм». Монополия реальна, но одна только монополия не объясняет долговое государство. Его также нельзя описать только как «империализм». Недостаточен и термин «финансовый капитализм», потому что финансы не отделены от империалистического внешнего сбыта, монополии и государственной власти.

Поэтому более полное название — государственно-долговой империалистический монополистический капитализм, или в сокращенной форме SDIMC.

Этот термин означает, что современный капитализм является государственным, потому что государство организует условия реализации; долговым, потому что будущий доход постоянно втягивается в настоящее; империалистическим, потому что реализация смещается вовне через периферийные пространства; монополистическим, потому что концентрированный капитал господствует над рынками, государствами, финансами и глобальным производством; и капиталистическим, потому что вся структура существует ради реализации и воспроизводства прибыли.

Следовательно, SDIMC — это полностью развитая форма империалистического капитализма под законом реализации. Это капитализм как долг, капитализм как внешний сбыт, капитализм как монополия и капитализм как государственная власть.

Долг и внешний сбыт как координаты реализации

Единство долга и внешнего сбыта

Закон долга и закон внешнего сбыта — это два аналитически различимых механизма одного и того же процесса. Долг — это временная ось реализации; внешний сбыт — пространственная ось реализации. В действительности они действуют вместе.

Если одна из этих осей удаляется, капитализм теряет условия нормального движения.

Предположим сначала, что у капитализма есть долг, но нет внешнего сбыта. В этом случае система всё ещё может втягивать будущий доход в настоящее. Она всё ещё может создавать кредит, расширять обязательства и откладывать проблему реализации в будущее. Но без адекватного внешнего поля подтверждения долг становится единственным механизмом реализации. Он накапливается без достаточной пространственной компенсации. В принципе, он стремится к бесконечности, и это очень быстро разрушает систему.

Это также проблема рыночных ожиданий. Если финансовые рынки понимают, что долг может только бесконечно расти без пространственного внешнего сбыта, через который он может быть подтвержден, доверие рушится.

Ожидание бесконечного накопления долга становится разрушительной силой. Финансовый рынок заранее видит невозможность погашения и реализации, и это предвидение ускоряет кризис.

Теперь предположим противоположное: у капитализма есть внешний сбыт, но нет долга. Может существовать внешнее пространство. Могут существовать периферийные рынки, ресурсы, труд и территории. Но без долга, кредита и предварительного финансирования капитализму не хватает денежных средств, чтобы организовать и использовать этот внешний сбыт. Внешнее пространство должно быть открыто, профинансировано, администрировано, соединено, милитаризовано, дисциплинировано и интегрировано в кругооборот реализации.

Без долга капитализм постоянно сталкивается с денежными нехватками. Ему не хватает необходимых денежных потоков в необходимые моменты. Капитал сталкивается с перебоями в обращении, нехваткой ликвидности и разрывами между расходом и возвратом. Даже если внешний сбыт существует как потенциальное пространство, капитализму не хватает средств, чтобы полностью его активировать. Ему не хватает средств, чтобы организовать это пространство как функционирующее поле реализации.

Поэтому долг и внешний сбыт становятся эффективными только через свое единство.

Один только долг превращается в нестабильную спираль будущих обязательств. Один только внешний сбыт остается недостаточно организованным, недостаточно профинансированным и неспособным функционировать как реальный механизм реализации. Долг предоставляет временную покупательную способность. Внешний сбыт предоставляет пространственную реализацию. Долг открывает возможность действия в настоящем через заимствование у будущего. Внешний сбыт дает этому заимствованному движению пространство, в котором оно может быть реализовано.

Это означает, что два закона действуют одновременно. Они различны только в анализе. В действительности капитализм движется через оба одновременно. Он решает проблему реализации через их сочетание.

Закон долга и закон внешнего сбыта, следовательно, являются двумя осями одного и того же закона реализации. Долг переносит противоречие в будущее. Внешний сбыт выносит противоречие вовне, в пространство. Капитализм выживает, сочетая оба движения.

Это сочетание дает капитализму только временную форму движения. Долг и внешний сбыт смещают противоречие, преобразуют его и воспроизводят в расширенном масштабе. В следующей главе это станет важным, потому что даже долг и внешний сбыт вместе остаются ограниченными. Они являются единственным способом, через который капитализм может продолжать действовать, но они не являются окончательным решением.

Пока центральный пункт состоит в следующем: капитализм движется через ось долга и ось внешнего сбыта одновременно. Его реальное движение пространственно-временное. Он продвигается через долг и внешний сбыт вместе. Он втягивает будущее в настоящее через долг и втягивает внешнее пространство в кругооборот реализации через внешний сбыт.

В этом смысле капитализм движется диагонально: через время и пространство одновременно, через единство долга и внешнего сбыта.

Пространственно-временное исправление Харви

Подтверждение этому можно найти у Дэвида Харви. Хотя он использовал другой понятийный язык и хотя он не говорил в терминах закона реализации или в той же рамке, которую использую я, он тем не менее говорил о том же самом и формулировал это сходным образом. Харви говорит о пространственно-временном исправлении (*spatio-temporal fix*). По сути, он выражает ту же идею: капитализм смещает свои противоречия и во времени, и в пространстве, то есть и в будущее, и во внешнее пространство.

Харви формулирует это довольно ясно. Капитализм перенакопляет, и это в конечном счете создает проблему, которая должна быть каким-то образом разрешена. Есть три возможных способа: либо временное смещение, либо

пространственное смещение, либо оба одновременно. Временное смещение означает, что текущий избыточный капитал, или лишний капитал, перемещается в долгосрочные проекты и социальные расходы, которые окупятся в отдаленном будущем. Пространственное смещение означает, что этот избыточный капитал направляется вовне, в новые рынки, новые производственные мощности, новые ресурсы и так далее.⁶⁹

Для Харви кредитная система находится в центре этого процесса, потому что перераспределение капитала, труда и так далее требует финансовых и государственных институтов. Эти институты создают кредит и так называемый фиктивный капитал, который может отходить от текущего потребления к проектам, ориентированным на будущее.⁷⁰ Иными словами, долг позволяет действовать в настоящем, но ценой будущего. В то же время это ориентированное на будущее движение должно где-то материально организоваться. Это ведет к созданию инфраструктуры, портов, шоссе, городов, фабрик, военных систем, торговых путей и новых рынков. Таким образом, временная реализация требует пространственной материализации.

Именно поэтому формулу можно выразить просто:

Долг финансирует внешний сбыт; внешний сбыт подтверждает долг.

Харви также ставит государство на первое место. Он подчеркивает финансовые и государственные структуры, такие как комплекс Уолл-стрит — Казначейство — МВФ, которые управляют кредитом, долгом, открытием рынков, структурной перестройкой и накоплением через лишение собственности.⁷¹

Эта идея довольно хорошо подтверждает мою собственную логику: государство является концентрированным выражением обоих законов реализации. В сущности, оно концентрирует обе стороны закона реализации.

Конечно, между моей позицией и позицией Харви есть различия. Харви называет этот процесс пространственно-временным исправлением. Но для меня это больше, чем исправления. Это формы капиталистической реализации. Возможно, Харви делает акцент на них как на временных или излечимых ответах, тогда как я понимаю их как постоянные и неизлечимые

формы. Это также исторически длительные явления, хотя в современном мире они естественно проявляются в иной форме. Именно это Харви и описывает.

Как уже было сказано, под «исправлениями» Харви по сути понимает ответы на кризис. В определенном смысле это верно. Но сам кризис растягивается на длительную перспективу. Он проявляется дискретно, но в действительности сопровождает капитализм постоянно из-за проблемы реализации. Поэтому эти механизмы становятся чем-то большим, чем формы управления кризисом. Поскольку кризис, по сути, постоянен, они становятся постоянными формами ответа на постоянный кризис — неизлечимыми формами.

Таким образом, если снять с понятия пространственно-временного исправления смысл, будто это лишь какое-то более современное явление, правильнее сказать, что это историческое выражение более глубокого закона и производных законов, которые из него следуют.

В то же время, даже если эти исправления рассматривать лишь как временные явления, долг всё равно накапливает будущие обязательства, тогда как внешний сбыт производит зависимость, деградацию и геополитические конфликты. Временное решение создает долгосрочную проблему, которая затем требует нового временного решения, создающего еще более крупную долгосрочную проблему. По сути, проблема остается нерешенной.

Точнее, здесь мы говорим о большем, чем кризис. Кризис — это форма проявления сущности. А сущность — это сам капитал: проблема реализации.

Пределы тезиса Арриги о перемещении

Поскольку Харви уже был обсужден, необходимо также кратко обратиться к Арриги. Арриги берет идею Харви о пространственно-временном исправлении⁷² и развивает ее в собственной теории.⁷³ Его аргумент состоит в том, что когда один капиталистический центр истощается, финансовая экспансия и избыточный капитал могут помочь произвести новый пространственный центр накопления. В этой логике капитал как будто обладает свойством перемещаться из одного центра в другой: из Британии в Соединенные Штаты, а затем потенциально из Соединенных Штатов к Китаю,

Восточной Азии или БРИКС.⁷⁴ Арриги прямо связывает пространственно-временное исправление Харви с временной отсрочкой и географической экспансией, а затем развивает это в направлении идеи географического перемещения центров накопления.⁷⁵

Именно здесь находится пункт расхождения.

Вопрос касается выводов, которые становятся возможными, когда эта теория проводится в таком направлении. Если мы видим, что БРИКС или Глобальный Юг развиваются, логика Арриги может привести к выводу, что капитал переместился туда. Эту интерпретацию необходимо заранее отвергнуть.

Перемещение капитала могло описывать более ранний исторический период, до того как капитализм полностью развился в империализм. В тот более ранний период можно было говорить о движении капиталистического центра из одного места в другое. Но после того как империализм был установлен, и особенно после Первой мировой войны, этот исторический процесс достиг своего предела. С этого момента пространственное движение капитала приняло форму структурированного отношения центра и периферии, а не старого перемещения центра.⁷⁶

Проблема состоит в том, что Арриги берет исторический процесс, принадлежавший более ранней фазе, и переносит его в настоящее. Он превращает пространственное движение капитала в идею, что капитал может просто снова переместить свой центр.⁷⁷ Это смешивает две разные вещи: создание капиталом периферии и развитие стран, которые сопротивляются периферийной деградации.

Китай, Индия, Россия, Вьетнам и БРИКС выступают здесь как формации, произведенные через собственное внутреннее историческое развитие, а не как новые капиталистические центры, созданные перемещением западного капитала. Их национальные буржуазии, государственные секторы, промышленные системы и суверенные институты возникли внутренне. Их нельзя свести к перенесенному западному капиталу.

Это особенно ясно в случае Китая. Сам Арриги подчеркивает экономическое возрождение Восточной Азии и появление Китая как крупной арены накопления.⁷⁸ Но у Китая есть крупный государственный сектор, сильная государственная собственность, планирование и подчинение частного капитала государственной власти. Эта структура контрастирует с обычным господством капитала как автономной правящей силы. Поэтому обсуждение Восточной Азии и Китая у Арриги создает именно ту двусмысленность, которую необходимо прояснить.

Итак, пункт прост: если Арриги имеет в виду только то, что кризис, финансы и пространственное движение связаны,⁷⁹ тогда это полезно. Но если его логика подразумевает, что Восток развивается потому, что капитал переместился туда, тогда это следствие ложно.

Обычное движение капитала создает периферию. Оно создает внешний сбыт, зависимость, дешевый труд, неравный обмен и деградацию. Оно производит суверенные центры развития только там, где другая сила прерывает это обычное движение. Если территория развивается вместо того, чтобы деградировать, значит, там действует другая логика. Именно поэтому становится необходимым понятие антикапитала.

Развивающийся Восток также имеет иное отношение к проблеме реализации. Законы реализации действуют там иначе, чем на Западе. Именно поэтому эти формации могут развиваться по иной логике. Их развитие нельзя объяснить утверждением, что западный капитал просто переместился туда.

И если кто-то утверждает, что капитал действительно переместился туда, это утверждение несет бремя доказательства. Его нельзя просто предполагать на основании того факта, что Китай, Индия, Россия, Вьетнам или БРИКС развиваются.

Арриги видит подъем Востока,⁸⁰ но его рамка рискует объяснить его через капиталистическое перемещение. Я объясняю это иначе: Восток развивается там, где он сопротивляется превращению в обычную периферию. Подъем Востока лучше понимать как появление формаций, которые сопротивляются закону внешнего сбыта, а не как движение капитала в новый центр.

Поэтому Арриги должен быть упомянут только с этим ограничением. Он развил теорию пространственно-временного исправления в направлении, которое я отвергаю.⁸¹ Его теория полезна для того, чтобы видеть связь между кризисом, финансами и пространством, но она должна быть ограничена там, где превращает эту связь в теорию перемещения капитала.

Эксплуатация и второе дыхание

Норма эксплуатации как исторический счетчик капитала

Теперь мы рассмотрели закон реализации. Однако есть еще одна категория, которая, возможно, определяет капитализм еще более непосредственно: норма эксплуатации. Исторически норма эксплуатации может быть выражена как отношение между доходом капитала и доходом труда, или, в марксистских терминах, как норма прибавочной стоимости. В этой главе я использую эту категорию прежде всего по отношению к империалистическому центру: Соединенным Штатам, Европе и развитому капиталистическому миру. Иными словами, я говорю здесь о том же мире, который обсуждался на протяжении всей этой работы: об империалистических странах, развитых странах и ядре капитализма.

Примечание 1. Прежде чем двигаться дальше, необходимо одно уточнение. Когда я использую слово эксплуатация, я использую слово эксплуатация в гораздо более точном смысле.

Под эксплуатацией я понимаю отношение между той частью общественного дохода, которая идет капиталу, и той частью общественного дохода, которая идет труду. В простых терминах доход труда — это заработная плата. Доход капитала — это прибыль, процент, рента, дивиденды и другие доходы, получаемые от владения капиталом.

Следовательно:

доход труда = заработная плата = v

где v — переменный капитал.

И:

доход капитала = прибыль, процент, рента, дивиденды = s

где s — прибавочная стоимость, реализованная в денежной форме.

Отсюда следует базовое отношение:

$$\frac{\text{доход капитала}}{\text{доход труда}} = \frac{s}{v} = \text{эксплуатация}$$

Именно это я имею в виду под эксплуатацией.

Поэтому, когда я говорю, что эксплуатация растет, я имею в виду, что доход капитала растет относительно дохода труда. Большая часть общественного продукта присваивается капиталом, тогда как меньшая относительная часть возвращается труду в виде заработной платы.

А когда я говорю, что эксплуатация падает, я имею в виду противоположное: доход труда растет относительно дохода капитала, или доля капитала снижается относительно доли труда.

Таким образом, в этой работе слово «эксплуатация» является сокращенным способом говорить об отношении между доходом капитала и доходом труда.

Базовый пункт прост. Отношение между доходом капитала и доходом труда исторически меняется. Это отношение выражает эксплуатацию, потому что общественный продукт создается трудом, тогда как капитал присваивает растущую или сокращающуюся часть этого продукта. Если доля капитала растет относительно доли труда, тогда эксплуатация растет. Если доля капитала падает относительно доли труда, тогда эксплуатация падает. Это тенденция нормы прибавочной стоимости к росту, или, говоря прямо, закон тенденции нормы эксплуатации к росту.

Исторические данные Пикетти наглядно иллюстрируют колеблющееся господство капитала над трудом. Я использую его таблицы и графики не как теоретический авторитет, а потому что они эмпирически показывают исторический рост, падение и последующий новый рост эксплуатации.⁸²

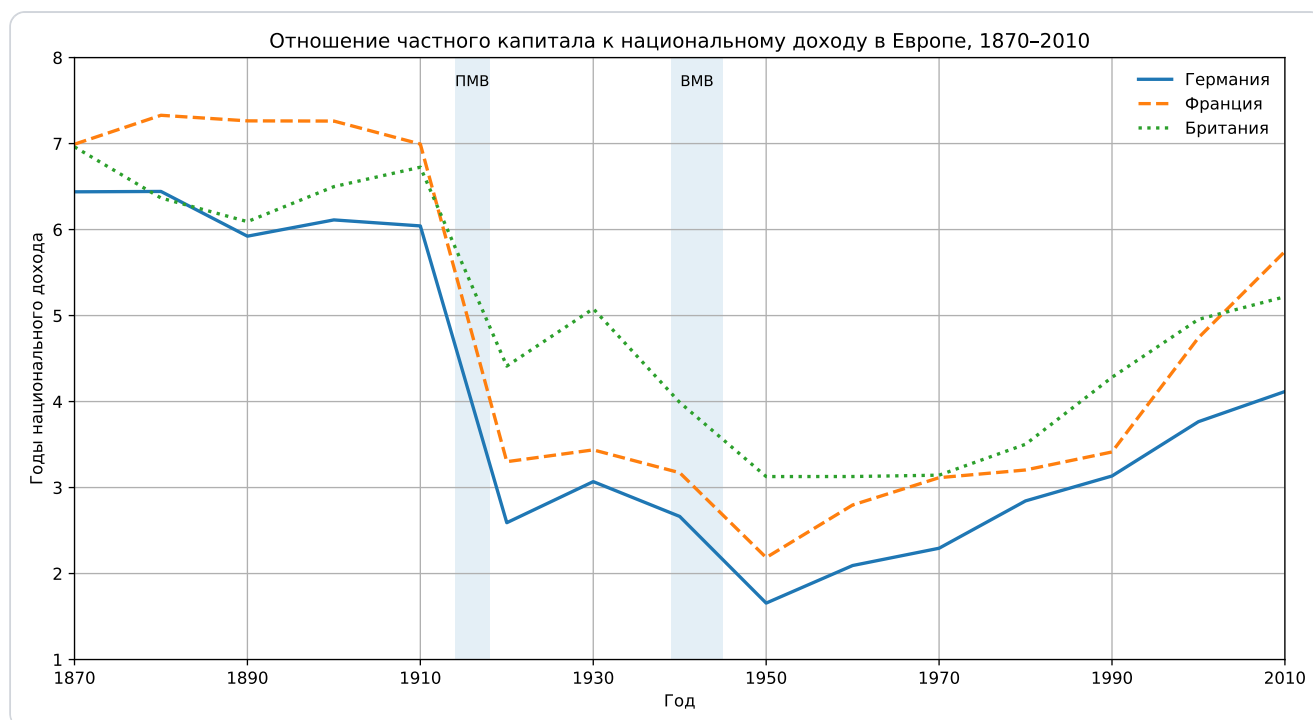

Рисунок 1. Частный капитал, деленный на национальный доход в Германии, Франции и Британии, 1870–2010. Источник: Piketty, *Capital in the Twenty-First Century*, online figures and tables, Table SI.2.

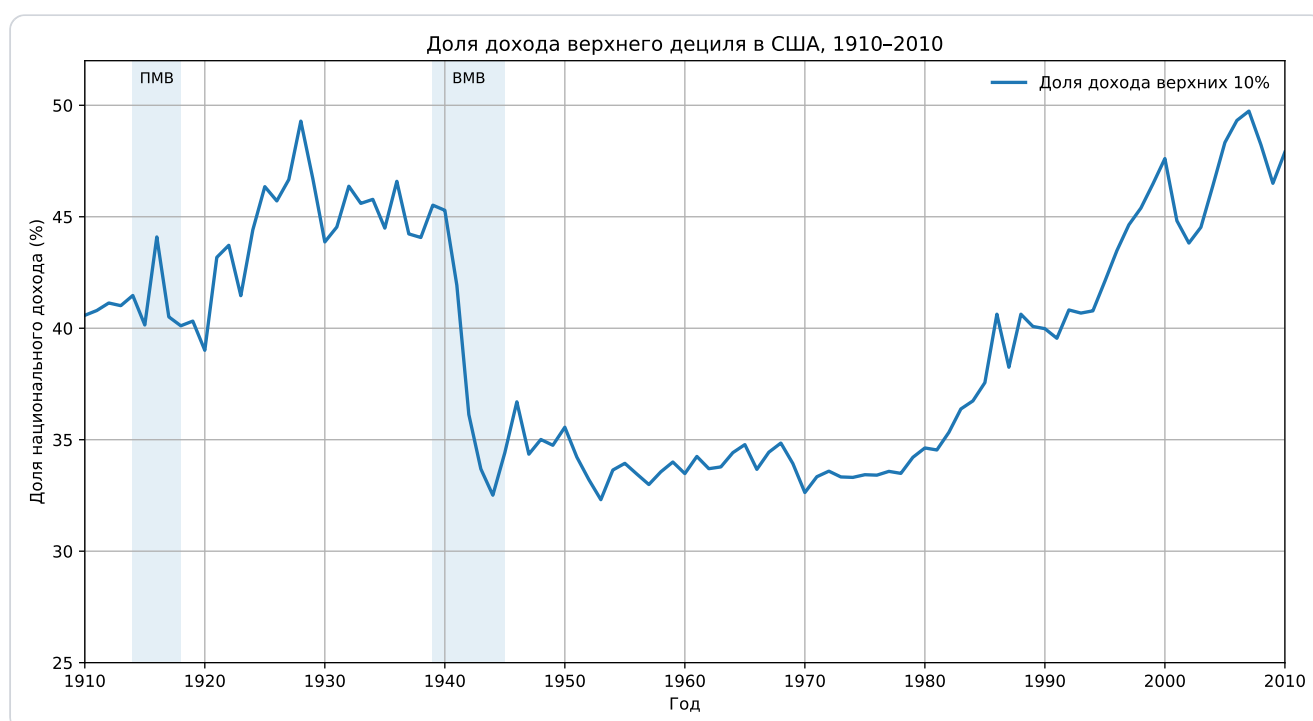

Рисунок 2. Проксиз: доля дохода верхнего дециля в Соединенных Штатах, 1910–2010, включая прирост капитала. Источник: Piketty, *Capital in the Twenty-First Century*, online figures and tables, Table SI.1.

Самый важный факт таков: существуют только исключительные исторические моменты, когда норма эксплуатации резко падает. Эти моменты не являются обычными моментами капиталистического развития. Это моменты мировой войны. Точнее, это моменты империалистической мировой войны. Это различие важно. Я говорю не о локальных войнах, прокси-войнах или обычных военных конфликтах. Я говорю о мировой войне как особой исторической форме: войне, которая возникает из кризиса самого капитализма и реорганизует весь мир.

Первая мировая война — самый ясный случай. До нее империалистические державы уже расширились, завоевали рынки и разделили значительную часть мира. Закон реализации действовал. Однако норма эксплуатации функционирует как внутренний счетчик капитала. Когда этот счетчик достигает исторического предела, капитализм входит в кризис, в котором нормальное воспроизводство становится всё более невозможным. Типичная траектория реализации капитала прерывается в этой точке. Система начинает внутренне разлагаться, вызывая кризис капитализма.

Именно поэтому Первую мировую войну следует понимать как кризис капитализма, выраженный в форме мировой войны. На поверхности война предстает как борьба за передел мира, за рынки, территории, колонии и сферы влияния. Но в более глубоком смысле война бессмысленна для капитала в непосредственном смысле. Она не решает проблему просто тем, что дает одной капиталистической державе еще один кусок территории. Ее смысл находится в другом: она насильственно прерывает прежнюю структуру накопления и создает условия для падения нормы эксплуатации.

Это видно исторически. После Первой мировой войны, и особенно в более широком кризисном периоде, который за ней последовал, отношение между капиталом и трудом изменилось. В Европе частный капитал относительно национального дохода рухнул. В данных Германия, Франция и Британия все показывают резкое падение от довоенного периода к середине XX века. Например, среднее отношение частного капитала к национальному доходу в этих странах падает примерно с 6.6 лет национального дохода около 1910 года

до примерно 2.3 лет около 1950 года, прежде чем позднее снова вырасти примерно до 5 лет к 2010 году. Это не незначительный сдвиг; это представляет собой монументальное, историческое падение власти капитала.⁸³

Та же логика проявляется в Соединенных Штатах вокруг Второй мировой войны. Доля дохода верхнего дециля в США была чрезвычайно высокой до войны, резко упала во время и после войны, а затем снова выросла в неолиберальный период. Опять же, смысл не в том, чтобы принимать каждую интерпретацию, которую экономисты привязывают к этим цифрам. Смысл в том, что само движение видно: господство капитала падает в связи с мировой войной, а затем постепенно возвращается.⁸⁴

Исследователи могут объяснять это падение по-разному. Они могут говорить о физическом разрушении, инфляции, налогообложении, национализации, контроле капитала, государстве всеобщего благосостояния, мобилизации труда или разрушении рантьевого богатства. Эти объяснения важны, но самый важный пункт на данном этапе — сам исторический факт: мировая война ведет к падению нормы эксплуатации. Механизм может включать много посредующих звеньев, но образец виден. Обычные войны не производят такого же исторического эффекта. Мировая война производит.

Именно поэтому мировую войну нужно рассматривать как особый тип войны. Это военная форма кризиса капитализма. Кризис капитализма, связанный с историческим пределом эксплуатации, и мировая война, которая из него следует, не являются отдельными явлениями. Они внутренне связаны.

Вторая мировая война сложнее Первой. Она также была империалистической мировой войной, но мировая ситуация была другой. Ее последствия были неравномерными. После Второй мировой войны падение эксплуатации особенно ясно проявляется в Соединенных Штатах, тогда как Европа и другие регионы должны быть поняты через более сложную историческую конфигурацию. Это потребует отдельного анализа в последующих работах. Пока важный пункт состоит в том, что Вторая мировая война также

принадлежит той же общей логике: капитализм вошел в системный кризис, мировая война реорганизовала условия воспроизводства, а внутреннее отношение между капиталом и трудом было сброшено.

Этот сброс я называю вторым дыханием капитализма. Второе дыхание — это момент, когда капитализм, после вхождения в кризис, связанный с историческим пределом эксплуатации, проходит через мировую войну и получает обновленную способность воспроизводить себя. Сама война не является прибыльной для капитала в простом, непосредственном смысле. Война — это разрушение. Однако ее последствия могут быть функциональны для капитала, потому что они понижают или сбрасывают норму эксплуатации внутренне и позволяют циклу накопления начаться снова с новой исторической точки.

Это закон второго дыхания. Всякий раз, когда капитализм достигает исторического предела нормы эксплуатации, он входит в кризис капитализма. Этот кризис не то же самое, что обычный кризис перепроизводства, и не просто депрессия или рецессия. Это более глубокий кризис самой капиталистической системы. Его всемирно-историческая форма — мировая война. Через мировую войну внутренняя структура эксплуатации сбрасывается, и капитализм получает обновленную способность продолжать.

На первый взгляд это могло бы казаться ответом Марксу в пользу капитализма: капитализм достигает своего предела, разрушает, сбрасывает себя и продолжает. Но это не вывод. Мир сложнее, чем простой механический крах, но это не отменяет базовую истину марксовой критики. Это лишь изменяет историческую форму, в которой эта истина проявляется.

Поэтому эта глава начинается с эксплуатации, но она также открывает путь к последующей работе. Связь между империалистической войной, падением эксплуатации и возникновением антикапиталистических форм, таких как Советский Союз или Китай, не случайна. Эти явления внутренне связаны, но их полное объяснение принадлежит последующим исследованиям. Здесь задача более ограничена: определить норму эксплуатации как внутренний

счетчик капитализма, показать ее историческую тенденцию к росту и определить второе дыхание как всемирно-исторический сброс, который следует, когда эта тенденция достигает своего предела.

Обзор литературы об эксплуатации и втором дыхании

Литература, касающаяся неравенства, кризиса и капиталистического восстановления, дает нам две линии доказательств. Первая линия доказывает, что эксплуатация постепенно растет вверх, то есть растет отношение дохода капитала к доходу труда. Сюда также входит концентрация богатства и вообще рост власти тех, кто имеет, над теми, кто не имеет. Вторая линия касается моментов, когда этот рост прерывается, когда это движение ломается. Это позволяет нам рассмотреть историю с двух сторон.

Центральным автором по вопросу неравенства, на мой взгляд, является Пикетти, особенно его работа *Капитал в XXI веке*.⁸⁵ Там он показал, что отношение между доходом капитала и доходом труда нестабильно. Оно выросло до очень высоких уровней перед Первой мировой войной, затем рухнуло в середине XX века, а затем начало снова расти после неолиберального поворота. Его центральная формула, где $r > g$, показывает структурное преимущество накопленного богатства над доходом. Когда доходность капитала превышает рост, это ведет к ситуации, где богатство накапливается быстрее, чем богатство создается. То есть люди, владеющие капиталом, получают больше того, что создается, и поэтому процесс развивается неравномерно. В идеале они должны быть равны, по крайней мере в том смысле, что r и g должны быть равны, и тогда каждый прирост экономики давал бы равный прирост обеим сторонам. Но этого не происходит: рост дает больше капиталу. Я использовал его таблицы в предыдущем подразделе, чтобы показать это.⁸⁶

В целом то же самое показывает Доклад о мировом неравенстве.⁸⁷ Он также показывает, что мир в основном принадлежит крошечному меньшинству, тогда как все остальные либо ничего не имеют, либо имеют сокращающееся количество богатства.

Распределительные национальные счета США у Пикетти, Саэза и Цукмана показывают пост-1980-е обрушение доли доходов нижней половины и скачок для верхнего 1 процента. Сначала это был сдвиг в трудовом доходе, но после 2000 года он стал явлением дохода капитала, что указывает на возвращение к рэнтьерской структуре, основанной на унаследованных активах.⁸⁸

Та же тенденция подтверждается и другими авторами, которые используют другие аргументы.⁸⁹

Саэз и Цукман подтверждают ту же картину, но они также показывают, что само государство становится эксплуататором, перекладывая налоговое бремя на народ, как мы уже обсуждали.⁹⁰

Далее, Пикетти также обсуждает, как капитал снизился, или, точнее, как отношение дохода капитала к доходу труда упало между 1914 и 1945 годами.⁹¹ Он объяснял это по-разному: мировые войны, крупные революции, Великая депрессия, инфляция и так далее. Пока это нас не касается. Факт остается: он сам видел, что в эти периоды, которые я называю периодами кризиса капитализма, эксплуатация падала. Опять же, в другой работе, *Капитал и идеология*, Пикетти говорит, что крах власти в значительной мере был опосредован политическими решениями, такими как национализация, экспроприация международных активов и так далее.⁹² Но, например, *Доклад о мировом неравенстве* делает акцент на том, что войны и кризисы сократили богатство богатейших, тогда как прогрессивное налогообложение или национализация пришли после войн. Первичным фактором были именно войны и кризисы. Опять же, это совпадает с моим собственным взглядом.⁹³

Другой автор, Аткинсон, больше подчеркивал послевоенный период, а именно тот факт, что неравенство уменьшилось из-за прогрессивного налогообложения, социального обеспечения, сжатия заработных плат и так далее.⁹⁴ По существу, автор говорит, что то, что произошло во время войны, позднее было институционализировано. Эта институционализация теперь постепенно заканчивается в современный период. Иными словами, война и кризисы сломали старую структуру, тогда как политика и сила труда сформировали послевоенный компромисс.

Марксистская литература, например Гроссман, показывает, что разрушение и обесценение, вызванные войной, были необходимыми условиями для создания пространства капиталистического накопления.⁹⁵ Таким образом, война уничтожала стоимости и ослабляла тенденцию к краху. Конечно, это сильно напоминает мою собственную идею, и даже название «пространство для дыхания» пересекается с ней.

Мандель, в свою очередь, прямо связывает этот процесс с нормой прибавочной стоимости.⁹⁶ Он подчеркивает, что фашизм, по его мнению, и Вторая мировая война создали необходимые условия для повышения нормы прибавочной стоимости, что в конечном счете привело к радикальному снижению стоимости рабочей силы. Его анализ интересен, но в следующих частях работы я выскажу собственный взгляд на фашизм и, возможно, на всю Вторую мировую войну.

Еще один автор также выдвинул собственные гипотезы и теории о том, чем в конечном счете являются войны и почему происходят войны капитала. Его конкретное объяснение состояло в том, что когда обычные кризисы и конкуренция становятся недостаточными для преобразования капиталистической структуры, так называемый деловой цикл становится циклом мировых войн.⁹⁷ Конечно, как я уже сказал в отношении Манделя, я понимаю, что он пытается сказать, но не полностью согласен. Позже я дам собственный взгляд на то, что такое мировые войны. Я уже кое-что выразил по этому поводу и скажу больше, например, о Второй мировой войне. На мой взгляд, марксистские авторы часто делают слишком большой акцент на желании, как будто капиталист просто чего-то хотел. Но мы должны говорить именно о законах. Поэтому всё не может объясняться через желания, даже если это лишь метафорическое выражение. Очевидно, капитал не особенно хотел войны. Конечно, в тот самый момент, когда война началась, она могла быть прибыльной в непосредственном смысле, но в долгосрочной перспективе она не прибыльна. И, конечно, как уже было сказано, война вообще разрушительна для капитала и становится полезной только постфактум.

Климан высказал интересную мысль, потому что для него разрушение, пережитое капиталом во время Великой депрессии и Второй мировой войны, создало необходимое условие послевоенного бума.⁹⁸ Я в целом с этим согласен, потому что это прямое выражение так называемого второго дыхания. Как мы видим, авторы также связывают именно мировые войны, а также Великую депрессию, хотя я не делаю на ней большого акцента. Великая депрессия — отдельная дискуссия. Конечно, она связана с разрушением капитала и с бумом, который капитализм получил после войн, но это не главный акцент здесь. Опять же, я не полностью согласен с автором, но акцент на войнах правильный. Робертс выразил сходную мысль в *Долгой депрессии*.⁹⁹ Они делали акцент на разрушении и обесценении капитала. Но, как уже сказано в моей работе, я не делаю акцент на том, что именно произошло. Для меня важнее сам момент войны, и он является более объясняющим фактором, чем попытка найти другие факторы, такие как разрушение капитала. Это могло произойти, но было ли это прямо связано с войной или косвенно связано с ней, и было ли это причиной, а не следствием, я пока утверждать не могу.

Кроме того, есть и другие авторы, которые объясняют успех капитализма после кризисов или в конце кризисов, например Бреннер или Дюмениль и Леви.¹⁰⁰ Такие авторы, как Шайх, показывают общую рамку капитализма как конкурентной, конфликтной и кризисной системы.¹⁰¹

Как мы видим, современная литература, как марксистская, так и немарксистская, показывает одну и ту же картину: рост неравенства, который иногда прерывается, особенно в период 1914–1945 годов, который я связываю с мировыми войнами. Другие авторы, конечно, называют множество причин и множество факторов, и они часто смешивают причины и последствия. Но для этой работы и для понимания того, что произошло, это не решающее. Важно не объяснение, а факт того, что произошло. И, как уже было сказано, фактов, которые они показывают, достаточно, чтобы понять, что мы действительно видим то, что я описал. То есть существует рост эксплуатации, или закон тенденции нормы прибавочной стоимости к росту, или закон тенденции эксплуатации к росту. В то же время эта тенденция обладает свойством

откатываться назад. Этот откат, как я уже сказал, называется законом второго дыхания. Он произошел именно после мировых войн. Даже если существовали другие факторы, такие как Великая депрессия, в действительности Великая депрессия была следствием Первой мировой войны для Соединенных Штатов, поскольку в Первой мировой войне Соединенные Штаты на самом деле не участвовали в самой войне в полной мере, а торговали через войну с Европой. Это привело к перегреву. Это, в свою очередь, перенесло кризис на весь мир. Но сама Великая депрессия не разрушила капитал таким же образом, даже если это тоже произошло в некоторой степени. Самое главное, она не сбila ясно и сильно уровень эксплуатации. Если посмотреть на график, возможно, что-то подобное произошло, но это очень быстро восстановилось. Когда мы говорим о реальных кризисах, которые могут потрясти систему, мы говорим именно о мировых войнах, а не о Великой депрессии. Как уже было сказано, это очень интересная тема, требующая отдельного обсуждения. Я частично затрону ее в следующей главе, где буду говорить о mefo-законе.

Mefo-закон и принудительная реализация

Mefo-закон как фашистская форма закона реализации

В этой главе мы обсудим так называемый mefo-закон. По существу, мы говорим следующее: если капитализм, или какая-то развитая индустриальная капиталистическая страна, оказывается в ситуации, где она не может реализовать себя пространственно, то есть если у нее нет периферии, и если она также испытывает другие давления, которые ее подавляют, то что происходит с этой страной? Как оказывается, закон реализации всё равно действует там. Но он превращается в mefo-закон.

Смысл остается тем же. Это всё еще закон реализации. Мы не говорим о чем-то совершенно новом. Его конкретная историческая форма меняется, но это не отменяет того факта, что это всё еще тот же самый империалистический закон.

Ранее я ясно утверждал, как я объяснял в прошлой главе, что кризис капитализма является причиной мировой войны. Это верно. Это относится и к Первой мировой войне, и ко Второй мировой войне. Но один факт меня беспокоил. Почему Германия, например, имела низкий уровень эксплуатации, учитывая, что она недавно вышла из войны? Возможно, она еще не достигла того полного исторического минимума, которого достигла после Второй мировой войны, но тем не менее он уже был достаточно низким.

Как я сказал, кризис капитализма ведет к мировым войнам. Но в самой Германии не было кризиса капитализма в моем специфическом смысле этого термина, потому что норма эксплуатации там уже упала после Первой мировой войны, согласно Пикетти.¹⁰² В Германии норма эксплуатации, норма прибавочной стоимости, отношение между доходом капитала и доходом труда, упала после Первой мировой войны.

Тогда почему страна всё еще находилась в кризисе? Это ключевой вопрос. Хотя Вторая мировая война была вызвана кризисом капитализма, нельзя прямо сказать, что сама Германия начала войну потому, что ее собственный внутренний кризис капитализма достиг предела эксплуатации. Согласно моей теории, этого специфического кризиса не было внутри Германии. Моя первая гипотеза работает, но не полностью. Она работает опосредованно.

Проблемой был закон реализации. Капиталистическая страна вышла из кризиса и должна была развиваться дальше. Она должна была двигаться вовне. Но проблема состояла в том, что эта страна проиграла. Вместо того чтобы интегрировать Германию и сформировать с ней дружественные отношения, как это произошло после Второй мировой войны, западный империализм вступил с Германией в отношения, которые по существу ее эксплуатировали. Это может звучать странно, но Германия действительно эксплуатировалась. Она была поставлена под репарации, планы Дауэса и Юнга, зависимость от американского кредита, давление межсоюзнических долгов и более широкий Версальский порядок.

Германия стала слабым звеном. Давление кризиса капитализма и Великой депрессии в значительной мере упало на Германию. Оно также упало на Британию и Францию, но через версальскую долгово-репарационную

структуру это давление было дальше перенесено на Германию. Кризис в Соединенных Штатах заставил Британию и Францию как можно быстрее возвращать свои долги и проценты Соединенным Штатам, и это усилило давление на Германию через систему репараций. Поэтому Германия пострадала сильнее всего.

Был и другой фактор: Германия потеряла все свои колонии после Первой мировой войны. Страна, которую постоянно душили и которая также потеряла все свои колонии, оказалась в полном тупике.

Это ровно то, что я описывал раньше. Что происходит со страной, когда она не может реализовать свою прибыль? Платежеспособность падает, рост рушится, экономика начинает ломаться, безработица растет, инфляция может расти бесконечно и так далее. Конкретные симптомы могут различаться, но смысл состоит в том, что экономика в целом перестает функционировать адекватно.

И именно в тот момент, когда кредитные деньги, займы и внешняя финансовая поддержка перестали поступать в Германию, страна начала фашизироваться. Фашистские тенденции существовали и раньше, но Германия начала фашизироваться главным образом тогда, когда поддержка закончилась, когда произошла Депрессия и когда внешнее давление усилилось. Германию перестали оттаскивать от края. Она, возможно, смогла бы выбраться сама, если бы обладала периферией.

Что говорит закон реализации? Он требует реализации. Пока Германия поддерживалась искусственной системой дыхания, искусственной долговой системой Соединенных Штатов и так далее, она могла как-то существовать. Но как только это было отключено, закон должен был действовать ясно. Прибыль должна была быть реализована. Экономика должна была функционировать.

Это привело к воплощению закона реализации в действительности. Германия начала готовиться к получению территории. Как это произошло? Если мы посмотрим на факты, это произошло через закон долга и закон внешнего сбыта.

Германия начала создавать так называемые MEFO-векселя и другие сходные финансовые инструменты. Их смысл был по существу таким: мы, государство, даем вам, капиталистам, деньги здесь и сейчас, а вы должны производить машины, оружие и так далее. Затем мы, государство, возьмем это оружие и нападём на соседние страны или другие страны. Мы расширим нашу территорию. И на основе того, что мы получим через эту экспансию, мы выплатим долг, который создали.

Таким образом, возникла своего рода бесконечная финансовая пирамида. Для того чтобы эта экономика продолжала функционировать, она должна была бесконечно расширяться. В этом смысле она напоминает опухоль или рак. Что происходит с клеткой? Закон реализации подобен нормальному свойству клетки. Но если подвергнуть клетку радиации и повредить ее функцию, она может стать раковой. Точно так же mefo-закон — это тот же закон реализации, но в стране, которая попала в эту ситуацию из-за кризиса капитализма.

Германия попала в эту ситуацию не случайно. Она попала в нее из-за кризиса капитализма: давления Соединенных Штатов через финансовые, кредитные и косвенно репарационные инструменты, а также через Великую депрессию, которая сама произошла отчасти потому, что Соединенные Штаты перегрелись во время Первой мировой войны, заработав на этой войне слишком много. Пока европейские страны воевали, кризис в них снижался. Такова логика.

Короче говоря, в мире был кризис капитализма. Он не закончился Первой мировой войной. Скорее, он частично сместился и сконцентрировался в Соединенных Штатах. Соединенные Штаты испытали огромный рост из-за Первой мировой войны, именно из-за этого первого частичного разрешения. Но это также перегрело их экономику. В результате экономика лопнула в Великую депрессию, и это распространилось на остальной мир. Это привело Соединенные Штаты к тому, что они стали более агрессивно давить на Британию, Францию и Германию. Долговое и репарационное давление усилилось. В то же время Германия уже потеряла свои территории и колонии после Первой мировой войны.

Из-за всего этого Германия оказалась в ситуации, где закон реализации не мог воплотиться, хотя он должен был. Закон должен был действовать, но не мог действовать нормальным образом. И поскольку закон должен воплощать себя, мы видим его воплощение в форме мефо-закона.

Мефо-закон означает фашизацию. Всё остальное развивается вокруг него и ведет к нему. Вокруг мефо-закона растет фашизм. Фашизм — это воплощение закона реализации в форме мефо-закона.

Именно поэтому термин мефо-закон взят из фашистской Германии и от слова MEFO-векселя. MEFO-векселя выполняли именно эту функцию. Вы берете долг из будущего, чтобы позднее покрыть его через завоевание соседних территорий, через экспансию, через получение периферии, через получение внешнего сбыта.

Закон действует одновременно через внешний сбыт и через долг. Именно поэтому, как я говорил в предыдущих главах, эти две стороны являются одним и тем же. Закон реализации выступает одновременно как закон долга и как закон внешнего сбыта.

Фашизм — это мефо-закон. Германия является прекрасным примером, потому что там этот процесс произошел буквально. MEFO-векселя буквально выразили то, что означает закон. Именно поэтому я использую слово мефо. Немецкий случай дает наиболее ясную историческую форму, но сам закон шире, чем Германия.

Соединенные Штаты и передача межвоенного кризиса

Прежде чем перейти к обзору литературы о Германии, сначала необходимо рассмотреть Соединенные Штаты как необходимую предпосылку. Мы не можем действительно понять немецкий случай, рассматривая только саму Германию изнутри. Заблокированное положение Германии было, по существу, следствием внутреннего кризиса капитализма в Соединенных Штатах после Первой мировой войны и всего того, что из этого последовало: подъема Соединенных Штатов, долгово-репарационного кругооборота 1920-х годов, американского кредитного бума и внезапного разворота потоков капитала в конце десятилетия.

Первая мировая война радикально изменила положение Соединенных Штатов. Она вытолкнула Соединенные Штаты на первое место в мировой экономике. Ахамед описывает это как смещение финансового центра мира, или, в моем понимании, империалистического центра мира, из Лондона в Нью-Йорк.¹⁰³ После войны Соединенные Штаты вышли с огромной экономикой, аномальными золотыми резервами, усиленной Федеральной резервной системой и кредиторской позицией по отношению к европейским союзным державам.¹⁰⁴ Ханниган утверждает то же самое, когда отмечает, что Великая война, то есть Первая мировая война, обозначила переход Соединенных Штатов в статус мировой державы, тогда как европейские государства истощили себя войной — и финансово, и военно.¹⁰⁵ Костильола, по сути, говорит то же самое.¹⁰⁶

Кейнс показал, что это было не просто каким-то дипломатическим или геополитическим движением. Это был материальный и финансовый сдвиг. Уже в 1919 году он видел, что Европа стала зависимой от Соединенных Штатов, от американских поставок продовольствия, американского кредита и американской финансовой поддержки в целом.¹⁰⁷ Ахамед также указывает, что союзные державы были должны Соединенным Штатам огромные суммы денег.¹⁰⁸ Киндлбергер, в свою очередь, утверждает, что в межвоенный период мы видим по существу слабость международной системы. Британия уже не могла выполнять стабилизирующую роль, которую она играла до 1914 года, тогда как Соединенные Штаты стали достаточно сильны, чтобы заменить Британию, но, по его мнению, не приняли на себя ответственность гегемонической стабилизации, которую прежде несла Британия.¹⁰⁹ Опять же, его аргумент интересен, но в сущности это объясняется кризисом капитализма в самих Соединенных Штатах, который мы наблюдали через данные, обсуждавшиеся ранее.¹¹⁰

Этот подъем Соединенных Штатов создал специфическую финансовую ситуацию в 1920-е годы. Германия должна была платить репарации Британии и Франции. Британия и Франция были должны военные долги Соединенным Штатам. Затем Соединенные Штаты давали деньги в долг Германии, Германия

использовала эти средства для выплаты репараций, а Британия и Франция использовали эти платежи для обслуживания своих долгов перед Соединенными Штатами. Ахамед описывает это как круговую систему долга и платежа.¹¹¹ Другие авторы, такие как Туз и Айхенгрин, также указывают на ту же круговую природу ситуации вокруг долга, репараций и платежей между Соединенными Штатами, Британией, Францией и Германией.¹¹²

План Дауэса, а затем план Юнга создали механизм искусственной стабилизации Германии, своего рода искусственную систему дыхания. Ричль утверждает, что план Дауэса поощрял крупные немецкие заимствования, ставя коммерческие и иностранные займы выше репараций.¹¹³ Шукер идет еще дальше и в некотором смысле говорит то, что я также иронически использую в собственной работе: Германия получила гораздо больше международного капитала, чем в конечном счете выплатила репараций, что, по его мнению, напоминало «американские репарации» Германии.¹¹⁴ Таким образом, Германия была полностью привязана к стабилизации, обеспеченной внешней американской кредитной системой. В этом смысле можно сказать, что фашизация не произошла раньше именно потому, что Германия искусственно поддерживалась: ее закон реализации на какое-то время реализовывался, пока Германия оставалась связанной с Соединенными Штатами.

Гарольд Джеймс показывает, насколько глубоко эта международная кредитная система была встроена в веймарскую экономику. Немецкая экономика, бизнес, государственные финансы и промышленная рационализация стали зависеть от международных средств, и особенно от средств из Соединенных Штатов.¹¹⁵ Нейман также утверждает, что стабильность Веймарской республики была, по существу, фиктивной, потому что она зависела от международных займов.¹¹⁶ Зон-Ретель также указывает, что эта долговая поддержка позволила Германии восстановить промышленность и сельское хозяйство во второй половине 1920-х годов, но в то же время сделала Германию зависимой от продолжения внешнего кредитования.¹¹⁷

Роль Соединенных Штатов во всём этом была двойной. С одной стороны, они временно поддерживали Германию живой, по сути как искусственная система дыхания. С другой стороны, они сделали Германию глубоко зависимой от системы, которую сама Германия не контролировала. То, что стабилизировало Германию, одновременно сделало ее уязвимой к американским финансовым движениям. Германия опиралась на внешний кредит и поддерживала себя через него.

Именно поэтому американский бум конца 1920-х годов является существенным. Киндлбергер утверждает, что бум на Нью-Йоркской фондовой бирже отвлек американский капитал от зарубежного кредитования еще до полного краха 1929 года.¹¹⁸ Ахамед утверждает, что американские банкиры перестали инвестировать в Берлин, когда доходность внутри Соединенных Штатов выросла, переместив капитал внутрь, к спекуляции, а не вовне, к европейской стабилизации.¹¹⁹ Костильола также подчеркивает, что международная система была хрупкой, потому что она зависела от непрерывных займов Уолл-стрит, и что она начала слабеть еще до биржевого краха.¹²⁰

Айхенгрин утверждает, что золотой стандарт распространил американское денежное ужесточение по всему миру. Повышение ставок в США и потоки золота заставляли страны со слабыми резервами, такие как Германия, идти к дефляции, тем самым производя глобальное сжатие.¹²¹

В тот момент, когда кредитование из Америки остановилось, Германия рухнула. Джеймс описывает это через немецкий банковский кризис и внутренний распад немецкой экономики.¹²² Киндлбергер также связывает отток иностранного кредитования с немецким банковским кризисом и, в конечном счете, с более широким распадом международной экономики.¹²³ Туз утверждает, что значительный внешний долг Германии к началу 1930-х годов вынудил нацистов отказаться от стратегии зависимости от Америки, и это стало ключевым поворотным пунктом.¹²⁴

Великая депрессия стала результатом краха мировой финансовой структуры, центрированной на США. После Первой мировой войны Соединенные Штаты стали крупным кредитором, стабилизировали Европу через займы, а затем перегрелись через фондовый бум. После этого Соединенные Штаты распространили кризис, отозвав кредит, сломав старый механизм кредитования и остановив международное кредитование, причем Германия стала одной из ключевых точек, где это давление сконцентрировалось.¹²⁵

Таким образом, логика такова. Германия не вошла в этот особый кризис сама по себе. Этот кризис не был кризисом капитализма в строгом смысле, описанном ранее. Германия вошла в него как побежденная и заблокированная капиталистическая страна. Ее восстановление и поддержка зависели от американского кредита. В тот момент, когда этот кредитный механизм разрушился, Германия больше не могла опираться на внешний долгово-репарационный кругооборот. Закон реализации всё еще требовал реализации, но старый внешний финансовый механизм рухнул. Нацистский ответ состоял в создании нового внутреннего механизма: скрытый долг, государственный военный спрос, трудовая дисциплина, автаркия и будущая экспансия.

Обзор литературы о mefo-законе и принудительной реализации

Поланьи утверждал, что крах международного либерального порядка, системы золотого стандарта и саморегулирующегося рынка создал условия для фашизма. В его изложении фашизм является политическим решением кризиса рыночного общества, которое в конечном счете проявляется через разрушение демократических институтов и реорганизацию общества вокруг потребностей производства, порядка и государственной власти.¹²⁶ Опять же, это его собственная интерпретация. Но факты остаются фактами: последствия и обвалы, возникшие в мире империализма, привели к фашизму.

Пуланзас отвергал идею, что фашизм возник из одного-единственного экономического фактора. Для него фашизм был результатом множества факторов, таких как конъюнктурная классовая борьба, кризис гегемонии, монополистический капитал, трансформация государства и политическое поражение рабочего класса.¹²⁷ Опять же, это его старая марксистская

интерпретация, в моем понимании. Как и в случае с Поланьи, она имеет смысл, но всё же не до конца объясняет, что там действительно происходило. Главная ценность состоит в том, что он увидел множество факторов, включая названные им, и эти факторы также заслуживают внимания.

Нейман в *Бегемоте* описывал нацистскую Германию как тоталитарный монополистический капитализм. То есть как систему, в которой частная собственность сохраняется, монопольная власть расширяется, а государство командует экономикой через тоталитарный аппарат.¹²⁸ В его работе можно заметить акцент на двойственной природе немецкой нацистской экономики. Это очень важно. С одной стороны, капитал остается частным; с другой стороны, условия накопления становятся политически организованными.

Зон-Ретель утверждал, что фашистская экономика улучшила накопление капитала, подавляя потребление и смещаясь к извлечению абсолютной прибавочной стоимости. Для него государство берет на себя предпринимательскую и управленческую функцию, тогда как капитал остается частным и получает выгоды.¹²⁹ Опять же, как и с другими авторами, я не могу полностью согласиться с его мнением, потому что, хотя мы и видим это конкретное проявление, оно всё же является следствием тефо-закона, то есть закона реализации в его высшей форме выражения во время такого рода кризиса, который, как уже было сказано, не является обычным кризисом капитализма. Но его аргумент всё равно подтверждает факт, что фашизм является политической формой, через которую заблокированный капитализм реорганизует свою реализацию через долг, трудовую дисциплину и затем, конечно, будущую экспансию.

Согласно Пуланзасу, нацистская экономика содействовала промышленному развитию, технологическим инновациям и росту производительности, одновременно усиливая эксплуатацию и классовое господство.¹³⁰ Это означает, что фашизм не был просто капитализмом, уничтожающим самого себя. Скорее, это был капитал, реорганизованный в специфических исторических условиях. Иными словами, мы не говорим, что капитализм исчез. Он реорганизовал себя под давлением закона реализации, как раковая опухоль, дальше ища способы внешнего сбыта.

В *Цене разрушения* Туз подробно описывает MEFO-финансирование: Mefo GmbH, фиктивная компания, финансируемая крупными промышленными фирмами, платила подрядчикам вооружений MEFO-векселями, которые могли быть погашены в Рейхсбанке.¹³¹ Эта система превращала будущие обязательства в нынешний военный спрос. Джеймс подтверждает, что MEFO предварительно финансировали перевооружение, при этом Рейхсбанк учитывал выставленные через MEFO поставщицкие векселя под неписанную гарантию рейха.¹³² Али подчеркивает этот скрытый долг, называя MEFO-векселя долговыми инструментами фиктивного частного предприятия, использовавшимися для сокрытия государственных обязательств.¹³³

Мысли самого Шахта также интересны как техническое свидетельство. Он описывает MEFO-векселя как переводные векселя и подчеркивает, что их можно было рассматривать почти как процентные деньги.¹³⁴ Конечно, его субъективная защита не имеет большого значения для этой главы. Что бы он сам ни думал о созданном им механизме, механизм выполнял ту функцию, которую он выполнял.

Харви дает теоретический механизм для этого процесса. Капитализм создает фиктивный капитал, который затем направляется в ориентированные на будущее проекты, необходимые для поглощения избыточного капитала и труда.¹³⁵ MEFO-векселя очень хорошо вписываются в логику Харви, потому что именно для этого они и были созданы. Мы говорим не просто о деньгах. Это были долги, созданные в настоящем для производства военных товаров, занятости и промышленного рывка, но под будущие завоевания.

Также следует упомянуть Овери. В своей работе он утверждает, что очень плохо просто заявлять, будто капитал контролировал государство. Он показывает, что такие фирмы, как Krupp, и рурские промышленники, конечно, сильно выигрывали от происходивших процессов, но позднее стали слишком зависимыми от политического режима, который переписал их обычную деловую рациональность.¹³⁶ Конечно, это его мнение, и никто не утверждает, что капитал контролирует государство напрямую в самом примитивном смысле. Но капитал тем не менее направлял государство, и это было

очевидно. Смысл закона реализации не в том, что капитал очень злой и прямо контролирует государство. Смысл в том, что его отношения и потребности концентрируются в государстве. То, как это происходит, может различаться. Это не обязательно означает, что какой-то человек пришел и сказал: давайте нападём на соседние страны. Нет. Это означает, что вся логика капитала требовала реализации. Она вытекла в МЕФО-векселя, и государство, даже если оно было полностью автономным и независимым от всех, жило логикой МЕФО-векселей и тем специфическим взаимодействием с капиталом, которое уже сформировалось.

Али расширяет аргумент, показывая, что Германия эксплуатировала не только собственных рабочих, и я с этим согласен. Противоположный взгляд слишком примитивен для капитализма. Капитал в основном эксплуатирует не только собственных рабочих; он также эксплуатирует внешнюю среду. Али показывает, что давление нацистской экономики, согласно движению закона реализации, падало именно на внешние страны, а не только на саму Германию.¹³⁷ Таким образом, эта критика работает против классического марксизма, когда классический марксизм говорит, что капитализм самозамкнут и эксплуатирует только себя внутренне. Нет, это недостаточный взгляд. Капитализм, конечно, также самозамкнут и эксплуатирует себя внутренне. Это факт. Но последствия капитализма, или империализма, видны вовне, в зоне реализации, что именно мы и видели в случае Германии и в том, что Германия делала.

Исследования Нового плана Шахта и Четырёхлетнего плана показывают, что Германия перешла к контролируемой торговле, импортному рационированию, двустороннему клирингу, автаркии и военному наращиванию. Нейман утверждает, что Новый план использовал валютный контроль для приоритизации перевооружения.¹³⁸ Джеймс добавляет, что нехватка иностранной валюты сделала необходимыми двустороннюю торговлю и административное распределение импорта.¹³⁹ Туз связывает радикализацию с Четырёхлетним планом, цитируя мандат Гитлера 1936 года о том, что немецкая армия и экономика должны быть готовы к войне через

четыре года.¹⁴⁰ Овери также указывает на автаркию, синтетические ресурсы, отечественную железную руду и интеграцию Центральной и Восточной Европы как ключевые подготовки к будущей военной экономике.¹⁴¹

Зон-Ретель дал одну из самых острых теоретических интерпретаций этого движения. Он утверждал, что когда Германия уже не могла покупать необходимое ей сырье и когда внутренний процесс перевооружения уже нельзя было остановить, не подрывая основание всей системы, аннексия стала прямым способом получить то, что нельзя было купить.¹⁴² Именно здесь закон реализации проявляет себя как закон внешнего сбыта. Заблокированная экономика создает военное производство через долг, но подтверждение этого производства требует внешнего пространства.

Многие историки оспаривают идею, что экономический крах вынудил Германию к войне, и вместо этого указывают на стратегические политические решения. Туз считает, что Гитлер начал войну по стратегическим причинам, а не потому, что экономика разваливалась.¹⁴³ Овери утверждает, что военные и международные факторы были важнее внутренних экономических проблем.¹⁴⁴ Шахт утверждает, что экономика находилась под контролем, пока Гитлер не довел военные расходы слишком далеко.¹⁴⁵ Шукер и Ричль подчеркивают, что реальными двигателями были политическая стратегия и управление долгом, а не простая нехватка денег.¹⁴⁶

Их аргументы могут подтвердить только один пункт: экономика в своей видимой форме не выглядела как нечто, что вот-вот немедленно рухнет. Но экономический крах как таковой не был причиной того, почему Германия хотела реализовать свою прибыль. В целом ясно, что эти авторы в основном пытаются спорить с марксистами, то есть с марксистскими аргументами о том, что экономика рушилась, разваливалась и так далее. Но на деле они всё равно не опровергли общей логики, что капитал хотел реализовать себя.

Даже аргумент о том, что Германия функционировала, сложен, потому что она функционировала как милитаризованная страна, как страна, полностью зависимая от милитаризации экономики. Она целиком стояла на военных рельсах. Поэтому сказать, что экономика функционировала, а затем

утверждать, что когда она начала войну, это не имело отношения к экономическим причинам, потому что экономика функционировала, — очень слабый контраргумент. Экономика функционировала, но она функционировала на военных рельсах.

Как уже было сказано, вопрос состоял не в том, рушилась экономика или не рушилась. Закон реализации как раз предполагает, что экономика какое-то время не будет рушиться, пока она движется к реализации. То, что мы увидели после прихода Гитлера к власти, было организацией экономики против того направления, в котором она ранее двигалась из-за невозможности реализации. Экономика по существу сказала: я реализую себя, я пойду и реализую себя. Именно это она и сделала. Соответственно, она выжила. Но историки рассматривают это выживание как контраргумент против процесса фашизации и реализации. Это не контраргумент. Опять же, вопрос не в том, разваливалась ли экономика видимо. Вопрос в том, чем она становилась и ради какой цели.

В конечном счете Кейнс, Трахтенберг, Ахамед, Костильола, Киндлбергер, Айхенгрин, Джеймс, Ричль, Шукер и Маркс объясняют, что Германия была сформирована Версальским договором, потерей ресурсов, репарациями и сильной зависимостью от американских займов.¹⁴⁷ Калецкий, Нейман, Пуланзас, Мейсон, Поланьи и Зон-Ретель показывают, как правительство использовало политическую силу для реорганизации труда, монополистического капитала и занятости.¹⁴⁸ Туз, Джеймс, Шахт, Али, Овери, Нейман и Зон-Ретель раскрывают конкретные использованные инструменты: МЕФО-векселя, скрытый долг, торговый контроль и план захвата ресурсов у других стран.¹⁴⁹

Таким образом, мы можем заключить, что простая фраза «экономический крах вызвал войну» неверна, потому что в Германии не было простого экономического краха. Германия была заблокированной капиталистической страной, восстановление которой происходило через военно-долговой механизм. Закон реализации действовал через закон долга и закон внешнего сбыта. МЕФО-векселя и последующее расширение экономики и война были

выражениями, с одной стороны, закона долга, а с другой стороны, закона внешнего сбыта. Таким образом, Германия является чистейшим проявлением mefo-закона, и именно поэтому закон назван по немецкому случаю.

Это показывает, как капиталистическая страна, у которой отняли область реализации, то есть нормальную сферу пространственной реализации, может реорганизовать свою экономику через финансируемую долгом милитаризацию, а затем искать внешнее завершение этого процесса через завоевание.

Главный пункт состоит в том, что немецкая ситуация на самом деле довольно проста. Это не какая-то сверхъестественная или абсолютно исключительная ситуация. Историки, как западные, так и восточные, марксистские и немарксистские, долгое время не могли понять, в чем состоял смысл Германии и подобных стран. Но смысл тот же, что и смысл самого капитализма: закон реализации. Вот и всё. Фашизация не была просто связана сама с собой. Мы не просто задушили страну. В нормальной ситуации это невозможно — не физически невозможно, а невозможно потому, что в этом нет смысла или прибыльности. Мы увидели это сразу после Второй мировой войны. После той войны Германию больше не душили. Напротив, ее развивали, и сегодня Германия является одной из самых развитых стран мира.

Но опять же, именно ситуация, сформировавшаяся вокруг Соединенных Штатов, привела к фашизации, а сами Соединенные Штаты находились в кризисе капитализма. Сам кризис капитализма, эта высшая форма, эта конечность капитала, привел к фашизации Германии. Даже неясно, что было хуже: Первая мировая война, которая была прямым и буквальным выражением кризиса капитализма, то есть войной Европы; или Вторая мировая война, которая была опосредованным выражением, не совсем косвенным, но условно опосредованным, кризиса капитализма, уже централизованного в Соединенных Штатах, но теперь выраженного через фашизм, нацизм, милитаризм и так далее.

Заключение

В этой работе я попытался ответить на вопросы, поставленные в начале. Центральный вопрос был прост: как капиталистическая прибыль реализуется как прибыль системы в целом?

Ответ, развитый здесь, — закон реализации. Капитализм должен не только производить прибавочную стоимость. Он также должен превращать эту прибавочную стоимость в денежную прибыль через эффективный спрос. Одного производства недостаточно. Товар может содержать прибавочную стоимость, но эта прибавочная стоимость не завершена для капитала до тех пор, пока товар не продан и не вернулся как деньги. Поэтому проблема капитализма состоит не только в производстве прибавочной стоимости, но и в ее реализации.

Этот закон был введен не как произвольное изобретение. Он был развит через логику, уже присутствующую у Маркса, Люксембург, Суизи, Барана и Суизи, Калецкого, Мински, Годли, Харви и других авторов. Эти авторы по-разному показали, что капитализм сталкивается с системной проблемой реализации, эффективного спроса, поглощения излишка, долга, кризиса и экспансии. То, что я сделал здесь, — это более прямо назвал эту логику и показал, что она действует как закон капиталистического воспроизводства.

Закон реализации проявляется в двух основных формах.

Первая форма — закон долга. Долг реализует прибыль во времени. Когда текущий эффективный спрос недостаточен, капитализм втягивает будущий доход в настоящее. Долг домохозяйств втягивает будущую заработную плату в настоящее. Корпоративный долг втягивает будущие прибыли в настоящее. Государственный долг втягивает будущие налоги, фискальную способность и государственную власть в настоящее.

Вторая форма — закон внешнего сбыта. Внешний сбыт реализует прибыль в пространстве. Капитализм ищет внешние пространства реализации: рынки, труд, ресурсы, территории, периферийные зоны и зависимые экономики. Через внешний сбыт капитализм создает и поддерживает периферию как

пространство неравного обмена, извлечения, подчинения и деградации. Периферия не просто находится капиталом. Она производится капиталом как пространственное решение проблемы реализации.

Долг и внешний сбыт — не два отдельных решения, которые могут просто заменить друг друга. Они являются двумя осями одного и того же закона. Долг — временная ось реализации. Внешний сбыт — пространственная ось реализации. В реальном капитализме они действуют вместе. Долг финансирует экспансию, а внешний сбыт подтверждает долг.

После этого я сместил анализ к эксплуатации, кризису и историческому сбросу. Я показал, что эксплуатацию можно понимать через отношение между доходом капитала и доходом труда, то есть через денежное выражение отношения между прибавочной стоимостью и переменным капиталом. На этой основе я проанализировал движение эксплуатации, ее исторический рост, ее кризис и то, что я называю вторым дыханием капитализма. Второе дыхание означает, что капитализм сбрасывает себя.

Заключительная часть работы рассмотрела крайнюю политическую форму той же логики. В случае нацистской Германии проблема реализации проявилась не только как обычная рыночная трудность. Она была реорганизована через государство, военное производство, скрытый долг, принудительную экспансию и разрушение старых пределов, наложенных на немецкий капитал. В этом смысле нацистская Германия была использована как пример того, как закон реализации может принять принудительную и фашизированную форму. Я называю эту форму тефо-законом: ситуацией, в которой заблокированная реализация превращается в долговое финансирование милитаризации, экспансию и фашизацию.

Эта работа была написана как необходимое теоретическое основание для того, что следует дальше. Если капитализм, согласно собственным законам, производит кризис внутренне и деградацию внешне, тогда развитие Востока — или, шире, Глобального Юга — нельзя объяснить как нормальный результат капитализма. Если Восток развивается вместо того, чтобы просто становиться деградировавшим внешним сбытом капитала, тогда там должна действовать другая логика.

Именно поэтому закон реализации необходим для дальнейшей теории антикапитала и полярного марксизма. Он показывает, что капитализм может делать, чего он не может делать и где проявляются его пределы. Он также показывает, как проанализированные здесь законы производят конкретную форму периферии под капиталистическим господством. Закон реализации производит периферию как внешний сбыт, тогда как «закон кризиса» — то есть закон второго дыхания капитализма — показывает, как капиталистический кризис, сброс, разрушение и реорганизация в конечном счете разрывают периферийную форму изнутри.

На этой основе становится возможной критика современных поверхностных интерпретаций мира: мир-системного анализа, западноцентричных теорий развития и объяснений Китая и Востока как обычного капитализма, государственного капитализма или простого перемещения капитала. Следующая задача — показать, что возникает за пределами нормального движения капитала: развитие Востока, появление другой исторической логики и понятие антикапитала.

Footnotes

1. Карл Маркс, *Капитал: критика политической экономии*. Том II: процесс обращения капитала, ред. Фридрих Энгельс (Москва: Прогресс, 1885), <https://www.marxists.org/archive/marx/works/download/pdf/Capital-Volume-II.pdf>; Карл Маркс, *Капитал: критика политической экономии*. Том III: процесс капиталистического производства, взятый в целом, ред. Фридрих Энгельс (Нью-Йорк: International Publishers, 1894), <https://www.marxists.org/archive/marx/works/download/pdf/Capital-Volume-III.pdf>; Роза Люксембург, *Накопление капитала*, пер. Агнес Шварцшильд (Лондон: Routledge; Kegan Paul, 1913), <https://www.marxists.org/archive/luxemburg/1913/accumulation-capital/>; Пол М. Суизи, *Теория капиталистического развития: принципы марксистской политической экономии* (Нью-Йорк: Oxford University Press, 1942), <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.461479>; Пол А. Баран и Пол М. Суизи, *Монополистический капитал: очерк об американском экономическом и социальном порядке* (Нью-Йорк: Monthly Review Press, 1966), <https://monthlyreview.org/9780853450733/monopoly-capital/>. ↵
2. Суизи, *Теория капиталистического развития*; Маркс, *Капитал*, 1894. ↵
3. Маркс, *Капитал*, 1894; Маркс, *Капитал*, 1885. ↵
4. Люксембург, *Накопление капитала*, 1913. ↵
5. Маркс, *Капитал*, 1885. ↵
6. Маркс. ↵
7. Люксембург, *Накопление капитала*, 1913; Маркс, *Капитал*, 1885. ↵
8. Суизи, *Теория капиталистического развития*; Маркс, *Капитал*, 1885. ↵
9. Люксембург, *Накопление капитала*, 1913. ↵
10. Суизи, *Теория капиталистического развития*. ↵
11. Маркс, *Капитал*, 1894. ↵
12. Суизи, *Теория капиталистического развития*. ↵
13. Баран и Суизи, *Монополистический капитал*. ↵

1. Маркс, *Капитал*, 1885; Маркс, *Капитал*, 1894; Люксембург, *Накопление капитала*, 1913; Суизи, *Теория капиталистического развития*; Баран и Суизи, *Монополистический капитал*. ↩
2. Маркс, *Капитал*, 1885; Маркс, *Капитал*, 1894; Люксембург, *Накопление капитала*, 1913; Суизи, *Теория капиталистического развития*; Баран и Суизи, *Монополистический капитал*. ↩
3. Хайман П. Мински, «Гипотеза финансовой неустойчивости» (Институт экономики Леви при Бард-колледже, 1992),
<https://www.levyinstitute.org/pubs/wp74.pdf>. ↩
4. Мински. ↩
5. Уинн Годли и Марк Лавуа, *Монетарная экономика: интегрированный подход к кредиту, деньгам, доходу, производству и богатству* (Лондон: Palgrave Macmillan, 2007), <https://doi.org/10.1007/978-1-137-08599-3>. ↩
6. Годли и Лавуа. ↩
7. Марк Лавуа, *Посткейнсианская экономика: новые основания* (Челтнем: Edward Elgar, 2014),
<https://www.elgaronline.com/monobook/book/9781839109621/9781839109621.xml>. ↩
8. Хайман П. Мински, *Стабилизируя неустойчивую экономику* (Нью-Хейвен: Yale University Press, 1986),
<https://www.levyinstitute.org/publications/stabilizing-an-unstable-economy>.
↩
9. Михал Калецкий, *Теория экономической динамики: очерк о циклических и долгосрочных изменениях в капиталистической экономике* (Лондон: George Allen; Unwin, 1954), <https://digamo.free.fr/kalecki54.pdf>. ↩
10. Казимеж Ласки и Герберт Вальтер, «Уравнение прибыли Калецкого спустя 80 лет», рабочий доклад wiiw (Венский институт международных экономических исследований, апрель 2013). ↩
11. Ласки и Вальтер. ↩
12. Калецкий, *Теория экономической динамики*. ↩

- 3. С. Джей Леви и Дэвид А. Леви, «Прибыли: взгляды Джерома Леви и Михала Калецкого» (Институт экономики Леви при Бард-колледже, 2000), <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/186979/1/wp309.pdf>. ↵
- 7. Леви и Леви. ↵
- 3. Калецкий, Теория экономической динамики. ↵
- 3. Калецкий. ↵
- 3. Уинн Годли, «Семь неустойчивых процессов: среднесрочные перспективы и политика для США и мира» (Институт экономики Леви при Бард-колледже, 1999), <https://www.levyinstitute.org/pubs/sr/sevenproc.pdf>. ↵
- 1. Годли, «Семь неустойчивых процессов». ↵
- 2. Годли и Лавуа, Монетарная экономика. ↵
- 3. Годли и Лавуа. ↵
- 4. Лавуа, Посткейнсианская экономика. ↵
- 5. Лавуа. ↵
- 3. Калецкий, Теория экономической динамики. ↵
- 7. Мински, Стабилизируя нестабильную экономику. ↵
- 3. Вольфганг Штрик, Покупая время: отложенный кризис демократического капитализма, пер. Патрик Камиллер (Лондон; Нью-Йорк: Verso, 2014), <https://www.versobooks.com/products/14-buying-time>. ↵
- 3. Штрик. ↵
- 3. Штрик, Покупая время. ↵
- 1. Штрик. ↵
- 2. Грета Р. Криппнер, Капитализация кризиса: политические истоки подъема финансов (Кембридж, Массачусетс: Harvard University Press, 2011), <https://www.hup.harvard.edu/books/9780674066199>. ↵
- 3. Криппнер. ↵
- 4. Криппнер, Капитализация кризиса. ↵
- 5. Штрик, Покупая время. ↵
- 3. Штрик. ↵

7. Лавуа, Посткейнсианская экономика; Годли, «Семь неустойчивых процессов»; Мински, *Стабилизируя нестабильную экономику*. ↵
3. Министерство финансов США, «Долг до пенни» (Fiscal Data, U.S. Treasury, 2026), <https://fiscaldata.treasury.gov/datasets/debt-to-the-penny/>; Министерство финансов США, «Долг до пенни: текущий долг» (TreasuryDirect, 2026), https://www.treasurydirect.gov/NP_WS/debt/current; Федеральный резервный банк Сент-Луиса, «Федеральный долг: общий государственный долг (GFDEBTN)» (FRED, Federal Reserve Economic Data, 2026), <https://fred.stlouisfed.org/series/GFDEBTN>; Бюджетное управление Конгресса, «Бюджетный и экономический прогноз: 2025–2035» (Congressional Budget Office, январь 2025), <https://www.cbo.gov/publication/60870>; Бюджетное управление Конгресса, «Ежемесячный обзор бюджета: итоги 2025 финансового года» (Congressional Budget Office, ноябрь 2025), <https://www.cbo.gov/publication/61307>. ↵
9. Джон А. Гобсон, *Империализм: исследование* (Лондон: James Nisbet, 1902), <https://oll.libertyfund.org/titles/hobson-imperialism-a-study>. ↵
9. Рудольф Гильфердинг, *Финансовый капитал: исследование новейшей фазы капиталистического развития* (Лондон: Routledge; Kegan Paul, 1981), <https://www.marxists.org/archive/hilferding/1910/finkap/>. ↵
1. Владимир Ильич Ленин, *Империализм как высшая стадия капитализма: популярный очерк* (Москва: Прогресс, 1917), <https://www.marxists.org/archive/lenin/works/1916/imp-hsc/>. ↵
2. Николай Бухарин, *Империализм и мировое хозяйство* (Monthly Review Press, 1929), <https://www.marxists.org/archive/bukharin/works/1917/imperial/>. ↵
3. Баран и Суизи, *Монополистический капитал*. ↵
1. Роза Люксембург, *Накопление капитала*, пер. Агнес Шварцшильд (Лондон: Routledge; Kegan Paul, 1951), <https://www.marxists.org/archive/luxemburg/1913/accumulation-capital/>. ↵
5. Самир Амин, *Накопление в мировом масштабе: критика теории недоразвития* (Нью-Йорк: Monthly Review Press, 1974), <https://monthlyreview.org/9780853452720/accumulation-on-a-world-scale/>;

Самир Амин, *Империализм и неравное развитие* (Нью-Йорк: Monthly Review Press, 1977). ↵

3. Амин, *Накопление в мировом масштабе*; Амин, *Империализм и неравное развитие*. ↵

7. Амин, *Накопление в мировом масштабе*; Амин, *Империализм и неравное развитие*. ↵

3. Амин, *Накопление в мировом масштабе*; Амин, *Империализм и неравное развитие*. ↵

3. Андре Гундер Франк, *Капитализм и недоразвитие в Латинской Америке: исторические исследования Чили и Бразилии* (Нью-Йорк: Monthly Review Press, 1967), https://archive.org/details/capitalismunderd0000fran_f8s6. ↵

3. Иммануил Валлерстайн, *Современная мир-система I: капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейской мир-экономики в XVI веке* (Нью-Йорк: Academic Press, 1974), <https://archive.org/details/modernworldsyste00wall>; Иммануил Валлерстайн, «Возникновение и будущая гибель мировой капиталистической системы: понятия для сравнительного анализа», *Comparative Studies in Society and History* 16, no. 4 (1974): 387–415, <https://doi.org/10.1017/S0010417500007520>. ↵

1. Рауль Пребиш, «Экономическое развитие Латинской Америки и его главные проблемы» (Экономическая комиссия ООН для Латинской Америки, 1950), <https://archivo.cepal.org/pdfs/cdPrebisch/002.pdf>; Ханс В. Зингер, «Распределение выгод между инвестирующими и заемными странами», *The American Economic Review* 40, no. 2 (1950): 473–85, https://link.springer.com/chapter/10.1057/9781137271631_19. ↵

2. Аргири Эммануэль, *Неравный обмен: исследование империализма торговли* (Нью-Йорк: Monthly Review Press, 1972), <https://monthlyreview.org/9781685901431/unequal-exchange/>. ↵

3. Шарль Беттельхейм, «Дополнительные замечания», в кн. *Неравный обмен: исследование империализма торговли* (Нью-Йорк: Monthly Review Press, 1972), <https://monthlyreview.org/9781685901431/unequal-exchange/>. ↵

1. Оскар Браун, *Международная торговля и империализм* (Буэнос-Айрес: Siglo Veintiuno Argentina Editores, 1973),
https://books.google.com/books/about/Comercio_internacional_e_imperialismo.html?id=VlmRNAEACAAJ. ↩
2. Джейсон Хикел и др., «Империалистическое присвоение в мировой экономике: отток из Глобального Юга через неравный обмен, 1990–2015», *Global Environmental Change* 73 (2022): 102467,
<https://doi.org/10.1016/j.gloenvcha.2022.102467>; Джейсон Хикел, Морена Ханбери Лемос и Феликс Барбур, «Неравный обмен трудом в мировой экономике», *Nature Communications* 15, no. 1 (2024): 6298,
<https://doi.org/10.1038/s41467-024-49687-y>. ↩
3. Гобсон, *Империализм*. ↩
4. Гильфердинг, *Финансовый капитал*. ↩
5. Ленин, *Империализм как высшая стадия капитализма*; Бухарин, *Империализм и мировое хозяйство*; Валлерстайн, *Современная мир-система I*; Валлерстайн, «Возникновение и будущая гибель мировой капиталистической системы»; Франк, *Капитализм и недоразвитие в Латинской Америке*; Амин, *Накопление в мировом масштабе*; Амин, *Империализм и неравное развитие*. ↩
6. Дэвид Харви, *Новый империализм* (Оксфорд: Oxford University Press, 2003),
<https://doi.org/10.1093/oso/9780199264315.001.0001>; Дэвид Харви, «“Новый” империализм: накопление через лишение собственности», *Socialist Register* 40 (2004): 63–87. ↩
7. Харви, *Новый империализм*; Харви, «“Новый” империализм». ↩
8. Харви, *Новый империализм*; Харви, «“Новый” империализм». ↩
9. Харви, *Новый империализм*; Харви, «“Новый” империализм». ↩
10. Джованни Арриги, «Пространственные и иные “решения” исторического капитализма», *Journal of World-Systems Research* 10, no. 2 (2004): 527–39. ↩
11. Арриги; Джованни Арриги, *Долгий двадцатый век: деньги, власть и истоки нашего времени* (Лондон; Нью-Йорк: Verso, 2010). ↩

5. Арриги, «Пространственные и иные “решения” исторического капитализма». ↩
6. Арриги, Долгий двадцатый век. ↩
7. Арриги, «Пространственные и иные “решения” исторического капитализма»; Арриги, Долгий двадцатый век. ↩
8. Джованни Арриги, «Государства, рынки и капитализм на Востоке и Западе», в сб. *Международный семинар REG GEN: альтернативы глобализации* (Рио-де-Жанейро: UNESCO; CLACSO, 2005), <http://bibliotecavirtual.clacso.org.ar/ar/libros/reggen/pp25.pdf>. ↩
9. Арриги, «Пространственные и иные “решения” исторического капитализма»; Арриги, Долгий двадцатый век. ↩
10. Арриги, «Государства, рынки и капитализм на Востоке и Западе». ↩
11. Арриги, «Пространственные и иные “решения” исторического капитализма»; Арриги, Долгий двадцатый век. ↩
12. Томас Пикетти, «Капитал в XXI веке: онлайн-графики и таблицы» (онлайн-приложение к *Капиталу в XXI веке*, 2014), <https://piketty.pse.ens.fr/capital21c>. ↩
13. Пикетти. ↩
14. Пикетти. ↩
15. Томас Пикетти, *Капитал в XXI веке*, пер. Артур Голдхаммер (Кембридж, Массачусетс: The Belknap Press of Harvard University Press, 2014). ↩
16. Пикетти, «Капитал в XXI веке», 2014. ↩
17. Люка Шансель и др., «Доклад о мировом неравенстве 2022» (World Inequality Lab, 2021), <https://wir2022.wid.world>. ↩
18. Томас Пикетти, Эммануэль Саэз и Габриэль Цукман, «Распределительные национальные счета: методы и оценки для США», *The Quarterly Journal of Economics* 133, no. 2 (2018): 553–609. ↩
19. Лукас Карабарбунис и Брент Нейман, «Глобальное снижение доли труда», *The Quarterly Journal of Economics* 129, no. 1 (2014): 61–103; Энтони Б. Аткинсон, *Неравенство: что можно сделать?* (Кембридж, Массачусетс: Harvard

University Press, 2015); Симха Баркай, «Снижение долей труда и капитала», 2016; Дэвид Отор и др., «О падении доли труда», рабочий доклад NBER (National Bureau of Economic Research, 2017). ↵

1. Эммануэль Саэз и Габриэль Цукман, *Триумф несправедливости: как богатые уклоняются от налогов и как заставить их платить* (Нью-Йорк: W. W. Norton & Company, 2019); Габриэль Цукман, *Скрытое богатство наций: бич налоговых гаваней*, пер. Тереза Лавендер Фаган (Чикаго: University of Chicago Press, 2015). ↵
1. Пикетти, *Капитал в XXI веке*, 2014. ↵
2. Томас Пикетти, *Капитал и идеология*, пер. Артур Голдхаммер (Кембридж, Массачусетс: The Belknap Press of Harvard University Press, 2020). ↵
3. Шансель и др., «Доклад о мировом неравенстве 2022». ↵
1. Аткинсон, *Неравенство*. ↵
5. Хенрик Гроссман, *Закон накопления и краха капиталистической системы: одновременно теория кризисов*, пер. Джайрус Банаджи (Лондон: Pluto Press, 1992). ↵
3. Эрнест Мандель, *Поздний капитализм* (Лондон: New Left Books, 1975), <https://www.marxists.org/archive/mandel/1972/latecap/index.html>. ↵
7. Пол Маттик, *Маркс и Кейнс: пределы смешанной экономики* (Бостон: Extending Horizons Books, 1969), <https://www.marxists.org/archive/mattick-paul/1969/marx-keynes/index.htm>. ↵
3. Эндрю Климан, *Крах капиталистического производства: глубинные причины Великой рецессии* (Лондон: Pluto Press, 2012). ↵
1. Майкл Робертс, *Долгая депрессия: как она произошла, почему она произошла и что будет дальше* (Чикаго: Haymarket Books, 2016). ↵
1. Роберт Бреннер, *Экономика глобальной турбулентности: развитие капиталистической экономики от долгого бума к долгому спаду, 1945–2005* (Лондон; Нью-Йорк: Verso, 2006); Жерар Дюмениль и Доминик Леви, *Возрождение капитала: корни неолиберальной революции*, пер. Дерек Джефферс (Кембридж, Массачусетс: Harvard University Press, 2004). ↵

1. Анвар Шайх, *Капитализм: конкуренция, конфликт, кризисы* (Оксфорд: Oxford University Press, 2016). ↩
2. Пикетти, «Капитал в XXI веке», 2014. ↩
3. Лиакват Ахамед, *Повелители финансов: 1929 год, Великая депрессия и банкиры, сломавшие мир* (Нью-Йорк: The Penguin Press, 2009). ↩
4. Ахамед. ↩
5. Роберт Э. Ханниган, *Великая война и американская внешняя политика, 1914–1924* (Филадельфия: University of Pennsylvania Press, 2017). ↩
6. Фрэнк Костильола, *Неловкое господство: американские политические, экономические и культурные отношения с Европой, 1919–1933* (Итака; Лондон: Cornell University Press, 1984). ↩
7. Джон Мейнард Кейнс, *Экономические последствия мира* (Лондон: Macmillan, 1919). ↩
8. Ахамед, *Повелители финансов*. ↩
9. Чарльз П. Киндлбергер, *Мир в депрессии, 1929–1939* (Беркли; Лос-Анджелес: University of California Press, 1973). ↩
10. Пикетти, «Капитал в XXI веке», 2014. ↩
11. Ахамед, *Повелители финансов*. ↩
12. Адам Туз, *Цена разрушения: создание и крах нацистской экономики* (Лондон: Allen Lane, 2006); Барри Айхенгрин, *Золотые оковы: золотой стандарт и Великая депрессия, 1919–1939* (Нью-Йорк: Oxford University Press, 1992). ↩
13. Альбрехт Ричль, «Проблема германских трансферов, 1920–1933: взгляд с точки зрения суверенного долга» (CEP Discussion Paper No. 1155, Centre for Economic Performance, London School of Economics, 2012). ↩
14. Стивен А. Шукер, *Американские «репарации» Германии, 1919–1933: последствия для долгового кризиса третьего мира* (Принстон: International Finance Section, Department of Economics, Princeton University, 1988). ↩
15. Гарольд Джеймс, *Германский спад: политика и экономика, 1924–1936* (Оксфорд: Clarendon Press, 1986). ↩

- 3. Франц Л. Нейман, *Бегемот: структура и практика национал-социализма* (Нью-Йорк: Oxford University Press, 1942),
<https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.236979>. ↵
- 7. Альфред Зон-Ретель, *Экономика и классовая структура германского фашизма* (Лондон: Free Association Books, 1987). ↵
- 3. Киндлбергер, *Мир в депрессии, 1929–1939*. ↵
- 3. Ахамед, *Повелители финансов*. ↵
- 3. Костильола, *Неловкое господство*. ↵
- 1. Айхенгрин, *Золотые оковы*; Барри Айхенгрин и Питер Темин, «Золотой стандарт и Великая депрессия», *Contemporary European History* 9, no. 2 (2000): 183–207. ↵
- 2. Джеймс, *Германский спад*. ↵
- 3. Киндлбергер, *Мир в депрессии, 1929–1939*. ↵
- 1. Туз, *Цена разрушения*. ↵
- 3. Киндлбергер, *Мир в депрессии, 1929–1939*; Айхенгрин, *Золотые оковы*; Ахамед, *Повелители финансов*. ↵
- 3. Карл Поланьи, *Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени* (Нью-Йорк: Farrar & Rinehart, 1944). ↵
- 7. Никос Пуланзас, *Фашизм и диктатура: Третий интернационал и проблема фашизма* (Лондон: New Left Books, 1974),
<https://archive.org/details/fascismdictators0000poul>. ↵
- 3. Нейман, *Бегемот*. ↵
- 3. Зон-Ретель, *Экономика и классовая структура германского фашизма*. ↵
- 3. Пуланзас, *Фашизм и диктатура*. ↵
- 1. Туз, *Цена разрушения*. ↵
- 2. Джеймс, *Германский спад*. ↵
- 3. Гёц Али, *Благодетели Гитлера: грабеж, расовая война и нацистское социальное государство* (Нью-Йорк: Metropolitan Books, 2007). ↵
- 1. Ялмар Хорас Грили Шахт, *Магия денег* (Лондон: Oldbourne, 1967). ↵
- 3. Харви, *Новый империализм*. ↵

3. Р. Дж. Овери, *Война и экономика в Третьем рейхе* (Оксфорд: Clarendon Press, 1994). ↩
7. Али, *Благодетели Гитлера*. ↩
3. Нейман, *Бегемот*. ↩
3. Джеймс, *Германский спад*. ↩
3. Туз, *Цена разрушения*. ↩
1. Овери, *Война и экономика в Третьем рейхе*. ↩
2. Зон-Ретель, *Экономика и классовая структура германского фашизма*. ↩
3. Туз, *Цена разрушения*. ↩
4. Овери, *Война и экономика в Третьем рейхе*. ↩
5. Шахт, *Магия денег*. ↩
3. Шукер, *Американские "репарации" Германии, 1919–1933*; Ричль, «Проблема германских трансферов, 1920–1933». ↩
7. Кейнс, *Экономические последствия мира*; Марк Трахтенберг, *Репарации в мировой политике: Франция и европейская экономическая дипломатия, 1916–1923* (Нью-Йорк: Columbia University Press, 1980); Ахамед, *Повелители финансов*; Костильола, *Неловкое господство*; Киндлбергер, *Мир в депрессии, 1929–1939*; Айхенгрин, *Золотые оковы*; Джеймс, *Германский спад*; Ричль, «Проблема германских трансферов, 1920–1933»; Шукер, *Американские "репарации" Германии, 1919–1933*; Салли Маркс, «Мифы о репарациях», *Central European History* 11, no. 3 (1978): 231–55. ↩
3. Михал Калецкий, «Политические аспекты полной занятости», *The Political Quarterly* 14, no. 4 (1943): 322–30; Нейман, *Бегемот*; Пуланзас, *Фашизм и диктатура*; Тим Мейсон, *Нацизм, фашизм и рабочий класс* (Кембридж: Cambridge University Press, 1995); Поланьи, *Великая трансформация*; Зон-Ретель, *Экономика и классовая структура германского фашизма*. ↩
3. Туз, *Цена разрушения*; Джеймс, *Германский спад*; Шахт, *Магия денег*; Али, *Благодетели Гитлера*; Овери, *Война и экономика в Третьем рейхе*; Нейман, *Бегемот*; Зон-Ретель, *Экономика и классовая структура германского фашизма*. ↩

КАК ЦИТИРОВАТЬ ЭТОТ МАТЕРИАЛ

Вилен Истени (2026). "Закон реализации." Полярный марксизм.
<https://polarmarxism.com/ru/research/law-of-realization>

ЧИТАТЬ ОНЛАЙН